Архитектура будущего

Оглавление

Архитектура будущего

Глава 1. В какой стране будут жить наши дети?

Глава 2. Бог, любовь и справедливость

Глава 3. Новый человек и общество любви

Глава 4. Церковь, соборность и государственное управление

Глава 5. Соборное хозяйствование: общество без денег

Глава 6. Труд, обеспечение потребностей и забота о человеке

Глава 7. Семья, дети и воспитание в новом обществе

Глава 8. Свобода, церковный суд и защита человека

Глава 9. Безопасность и отношения с другими государствами

Глава 10. Для чего живёт человек и зачем ему меняться?

Глава 11. От единомышленников к соборному обществу

Глава 12. Переходный период: ошибки, испытания и исправления

Глава 13. Свобода человека перед Богом и начало суда

Глава 14. Будущее начинается с тебя

Введение

Каким мог бы стать человеческий мир, если бы люди действительно стремились жить по Евангелию?

Не только исповедовали христианскую веру на словах, но и старались любить ближних, прощать врагов, помогать нуждающимся, не искать личной выгоды за счёт других и относиться к власти как к служению.

Могло бы такое изменение человека преобразить отношения между людьми? А если бы подобных людей становилось всё больше, каким стало бы общество, созданное ими?

Этим вопросам посвящена книга «Архитектура будущего».

Мы попробуем представить общество, в основании которого лежат не богатство, стремление к власти или страх наказания, а христианская любовь, милосердие, совесть и добровольное служение друг другу.

Речь не идёт о предсказании будущего или утверждении, что человечество непременно достигнет такого состояния. Мы рассматриваем возможный путь и пытаемся понять, каким могло бы стать общественное устройство при глубоком нравственном изменении людей.

Но эта книга обращена не только к тем, кто задумывается о будущем государства.

Прежде всего она обращена к каждому человеку.

Возможно, описанное здесь общество никогда не возникнет. Возможно, оно появится спустя многие поколения. Но вопрос о том, как мы живём сегодня, от этого не становится менее важным.

Мы не можем изменить всё человечество одним решением. Однако каждый из нас может задуматься о собственной жизни, о своих отношениях с Богом и ближними, о том, что движет нашими поступками.

Поэтому разговор о будущем обществе неизбежно становится разговором о самом человеке.

И начать его следует с простого вопроса: **в каком мире мы хотели бы жить и что мешает нам уже сегодня относиться друг к другу иначе?**

Глава 1. В какой стране будут жить наши дети?

Каждый из нас хотя бы раз задумывался: какими вырастут наши дети? Будут ли они счастливы? Смогут ли создать семью, вырастить собственных детей, прожить достойную жизнь? Кто окажется рядом с ними, когда нас уже не станет?

Мы стараемся дать им хорошее образование, обеспечить жильём, оставить хоть какое-то наследство. Но редко спрашиваем себя о самом главном: в каком обществе им придётся жить?

Можно оставить ребёнку дом, но нельзя построить вокруг него стены, которые навсегда защитят от человеческой жестокости. Можно дать деньги, но нельзя купить искреннюю любовь. Можно обеспечить прекрасное образование, но одним только образованием невозможно научить человека совести, милосердию и способности жертвовать собой ради другого.

А что, если мы могли бы оставить детям не только имущество и воспоминания о себе, но и совершенно другое общество?

Попробуем представить, каким оно могло бы быть.

Страна святых

Представьте небольшую страну, в которой собрались все святые, когда-либо просиявшие на земле.

Все апостолы Христовы, святители, мученики, преподобные, праведники. Те, чьи имена известны всему христианскому миру, и те, чья святость осталась сокрытой от людей, но известна Богу.

Представьте, что все они составляют один народ.

Здесь живёт святитель Николай Чудотворец. Здесь же — апостол Иоанн Богослов, Иоанн Предтеча, преподобные Сергий Радонежский и Серафим Саровский, святой праведный Иоанн Кронштадтский и великое множество других угодников Божиих.

Попробуем представить, какой была бы жизнь в этой стране.

Вот вы заболели. И вашим врачом оказался святой великомученик Пантелеимон.

Согласно его житию, он бескорыстно помогал больным, исцеляя их именем Христовым. Представьте, с какой любовью он отнёсся бы к вам. Для него вы были бы не источником заработка, а человеком, нуждающимся в помощи.

А теперь представьте, что ваших детей обучает святитель Иоанн Златоуст.

Один из величайших проповедников и учителей Церкви. Его труды изучают спустя многие столетия после его земной жизни.

Какое представление о добре и зле, о любви, справедливости и смысле жизни получили бы дети от такого учителя?

А кто управлял бы этой страной?

Ведь среди святых были и правители, и законодатели, и люди, имевшие огромный опыт управления. Но теперь представьте, что основанием их решений служило бы искреннее стремление исполнить волю Божию и послужить ближним.

Как любовь изменила бы законы, хозяйство, отношение к богатству, собственности и труду, заботу о детях, больных, стариках и бедных?

И главное — какими были бы отношения между самими людьми?

Представьте, что вас окружают не просто законопослушные граждане, а люди, которые всем сердцем стремятся любить ближнего так, как заповедал Христос.

Хотели бы вы жить в такой стране?

Хотели бы вы, чтобы там росли ваши дети?

А хотели бы святые жить среди нас?

Среди нашей зависти, корысти, равнодушия, взаимной неприязни? Среди общества, где человек нередко оценивается по его богатству, положению и власти?

Конечно, мы не вправе отвечать за святых. Их земная жизнь, напротив, показывает, что многие из них добровольно оставались среди грешников, помогали им и даже отдавали за них свою жизнь.

Но вопрос заставляет нас задуматься о другом.

Если мы так хотели бы жить среди святых, почему сами не стремимся устроить свою жизнь по их примеру?

Ведь святые — не выдуманные герои прекрасной сказки.

Они действительно жили на земле.

Они были людьми, как и мы. Среди них были богатые и бедные, образованные и неграмотные, правители и простые труженики. Они проходили через испытания, боролись со своими страстями, учились покаянию и любви.

И они оставили нам не только память о своих подвигах, но и пример жизни.

Православная Церковь учит, что путь к святости открыт каждому человеку. Христос призвал к Себе не какой-то особый род людей, а всех нас.

Это даёт нам надежду.

Люди, жившие прежде нас, смогли при помощи Божией благодати преобразить свою жизнь. У нас есть основание надеяться на ту же помощь.

Конечно, одного желания недостаточно.

Недостаточно восхищаться святыми, читать их жития и говорить о том, как прекрасно они жили.

Нужно самому вступить на этот путь. Учиться любить. Бороться со своими страстями. Совершать дела милосердия. Учиться видеть в другом человеке ближнего, а не соперника.

И делать это не в одиночку, а вместе с теми, кто стремится к той же жизни во Христе.

От человека — к обществу

Если один человек способен изменить свою жизнь, по тому же пути могут пойти и другие.

Что произойдёт, если такие люди начнут объединяться, помогать друг другу, вместе воспитывать детей, трудиться, заботиться о больных и стариках, устраивать свою общественную жизнь на основании христианской любви?

Мы не знаем, насколько далеко сможет продвинуться такое общество. Не можем обещать, что все его участники достигнут святости или что в нём исчезнут человеческие слабости и ошибки.

Неопределённость результата не лишает смысла самой попытки.

Ведь речь идёт не о том, чтобы однажды собрать всех святых прошлого в одной земной стране. Это невозможно.

Речь о том, чтобы люди, живущие сегодня, начали идти по оставленным ими следам.

Чтобы любовь к ближнему перестала быть только прекрасным идеалом, о котором мы слышим в храме, и становилась основанием наших повседневных поступков, отношений, труда и общественной жизни.

И тогда перед нами откроется совершенно иной вопрос о государстве.

Не только о том, какие законы должны в нём действовать, кто должен управлять и как следует распределять материальные блага.

Но прежде всего — какими должны быть люди, чтобы построить общество, в котором главной ценностью станет любовь к Богу и ближнему?

И каким может быть устройство страны, если именно такие люди составят её народ?

Мы будем размышлять о воспитании человека, о семье, труде, хозяйстве, власти, справедливости, милосердии и ответственности. Будем обращаться к Евангелию, жизни святых, истории Церкви и человеческому опыту. Будем искать не безупречную схему земного рая, а возможные основания общества, помогающего человеку жить по заповедям Христовым.

Начнём с духовного основания этой жизни — любви к Богу и ближнему.

Ни совершенные законы, ни богатство не заменят любви. Поэтому прежде устройства власти и хозяйства нужно понять, что меняется в самом человеке.

Наследство, которое мы оставим

А теперь вернёмся к вопросу, с которого начался наш разговор.

В какой стране будут жить наши дети?

Мы можем оставить им дома, деньги, образование и плоды собственного труда. Всё это имеет значение.

Но есть наследство, которое невозможно измерить богатством.

Это общество людей, способных любить.

Представьте, что ваши дети будут жить среди людей, подобных тем святым, о которых мы сегодня вспоминали. Что рядом с ними окажутся те, кто не предаст, не обманет, не оставит в беде. Кто поможет им возрастать не только в знаниях и благополучии, но и в вере, милосердии и любви.

Такого будущего мы желали бы своим детям.

Наши дети будут жить не среди прекрасных слов, которые мы произносим сегодня, а среди людей, которых мы воспитаем, и в обществе, основы которого мы заложим.

Чтобы такое наследство стало возможным, должны меняться и люди, которые его создают.

В этом и состоит вопрос об архитектуре будущего.

Глава 2. Бог, любовь и справедливость

Что может изменить человеческий мир

Человечество на протяжении веков стремилось создать справедливое общество. Люди писали законы, учреждали суды, совершенствовали государственное управление, искали способы защитить слабого от сильного, честного от обманщика, невиновного от преступника.

Но почему, несмотря на всё это, несправедливость продолжает существовать?

Даже сложные законы, развитые средства наблюдения и строгие наказания не исключают того, что человек обманет, предаст, возненавидит и причинит зло другому.

Может быть, причина заключается в том, что мы пытаемся изменить человеческие отношения, не изменив самого человека?

Государственный закон способен ограничить поступок. Он может запретить убийство, воровство, насилие, обман. Но способен ли он заставить человека искренне полюбить другого?

Можно обязать человека исполнить долг, но нельзя приказать ему стать милосердным. Можно наказать за жестокость, но нельзя угрозой наказания породить любовь.

И здесь христианство открывает перед нами иной путь.

Не отрицание справедливости, не уничтожение всякого порядка, а такое изменение самого человека, при котором внешнее принуждение постепенно уступает место добровольному стремлению к добру.

Основанием этого изменения становится любовь.

Бог есть любовь

Апостол Иоанн Богослов говорит:

«Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8).

Для христианина это не поэтическое сравнение. Любовь не является лишь одним из многочисленных человеческих достоинств, которые мы приписываем Богу. Она неотделима от того, как Бог открывает Себя человеку.

Но какую любовь имеет в виду Евангелие?

Мы привыкли называть любовью многое: привязанность к родным, влечение, дружбу, благодарность, удовольствие от общения. Всё это может содержать подлинное добро, но человеческая любовь нередко зависит от обстоятельств.

Нам легче любить тех, кто любит нас. Легче быть добрым с тем, кто отвечает благодарностью. Легче прощать человека, который уже признал свою вину.

Но благодарности может не быть: человек, которому мы помогли, порой отвечает неблагодарностью и даже становится нашим врагом.

Именно здесь обнаруживается различие между любовью, ограниченной человеческой взаимностью, и той любовью, к которой призывает Христос.

Он говорит:

«Любите врагов ваших» (Мф. 5:44).

Это требование выходит далеко за пределы обычного представления о справедливых человеческих отношениях.

Христос призывает любить и того, кто не отвечает добром, не принадлежит к нашему народу, семье или кругу единомышленников.

Любовь должна распространяться и на того, кто поступил с нами несправедливо.

Но любовь не делает зло добром, виновного — невиновным и не лишает справедливость значения.

Чтобы понять эту заповедь, необходимо разобраться в отношении любви и справедливости.

Справедливость и милосердие

Представим человека, совершившего тяжёлый проступок.

Он виновен. Его поступок причинил вред. Справедливость требует признать вину, защитить пострадавшего и, когда это необходимо, возместить причинённый ущерб.

Но представим, что виновный искренне раскаялся. Он осознал содеянное, желает исправиться и больше не возвращаться к прежней жизни.

Достаточно ли для нас того, чтобы он получил заслуженное наказание? Или мы способны пожелать ему чего-то большего — исправления, восстановления, спасения?

Здесь и открывается различие между воздаянием по заслугам и милосердием.

Справедливость определяет, что человеку причитается. Милосердие способно дать ему то добро, на которое он не может предъявить права как на заслуженную награду.

Вспомним евангельскую притчу о работниках в винограднике (Мф. 20:1–16).

Одни работали с раннего утра, другие пришли почти к завершению дня. Но хозяин дал последним столько же, сколько первым.

Работавшие дольше возмутились. Им казалось несправедливым, что люди, потрудившиеся меньше, получили равное вознаграждение.

Однако хозяин не обманул первых работников. Он исполнил обещанное им. А последним пожелал дать больше, чем они могли ожидать.

И задал недовольному работнику вопрос:

«Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» (Мф. 20:15).

Для нашего рассуждения здесь важно, что хозяин исполнил обещанное первым работникам и пожелал быть щедрым к последним.

Добро, оказанное одному человеку сверх заслуженного, не обязательно означает несправедливость по отношению к другому.

Мы часто измеряем отношения сравнением: почему ему дали столько же, если он сделал меньше? Почему его простили, если он виноват? Почему к нему проявили снисхождение?

Но любовь не ограничивается подобным подсчётом.

Она не отнимает у одного ради произвольного предпочтения другого. Она способна добровольно дать больше, чем требует строгий расчёт.

Именно поэтому милосердие нельзя просто назвать несправедливостью.

Оно не обязано нарушать справедливость. Оно может превосходить её минимальные требования.

Любовь не оправдывает зло

Однако здесь возникает серьёзная опасность.

Если говорить только о прощении, можно прийти к ошибочному выводу, будто любовь требует отказаться от всякой ответственности.

Если совершивший насилие попросил прощения, это ещё не устраняет необходимости защитить пострадавшего.

Прощение не делает совершённое зло добром. Раскаяние не отменяет автоматически последствий поступка. Любовь к виновному не должна превращаться в равнодушие к невиновному.

Иначе под именем милосердия мы допустили бы новую несправедливость.

Христианская любовь обращена к обоим: к тому, кто пострадал, и к тому, кто согрешил.

Она желает первому защиты и восстановления, а второму — покаяния и исправления.

Любить человека не значит одобрять всё, что он совершает.

Иногда именно любовь побуждает сказать человеку правду, которую он не желает слышать. Иногда она требует остановить его, чтобы он не причинил нового зла себе и другим.

Но даже тогда целью не должна становиться ненависть.

Человек не перестаёт быть человеком оттого, что совершил преступление. Его поступок может заслуживать осуждения, но сам он не должен становиться предметом нашей злобы.

Это различие особенно важно для будущего общества, которое мы пытаемся представить.

В нём милосердие не должно быть прикрытием безответственности, а справедливость — оправданием жестокости.

Когда любовь превосходит закон

Апостол Павел пишет:

«Любовь есть исполнение закона» (Рим. 13:10).

Речь здесь об исполнении нравственного закона, а не просто о соблюдении государственных правил. Законопослушность сама по себе ещё не равна христианской любви.

Представим человека, который никогда не крадёт, не обманывает, не причиняет насилия и честно исполняет свои обязательства.

Он законопослушен. И это хорошо.

Однако можем ли мы только на этом основании утверждать, что он достиг христианской любви?

Человек может никого не обманывать, но оставаться холодным и равнодушным. Может никому не причинять очевидного вреда, но жить исключительно ради себя. Может строго соблюдать свои обязанности, не испытывая никакого желания сделать для ближнего больше положенного.

Государственный закон требует определённых поступков и запрещает другие. Любовь же обращается и к намерениям, желаниям, самому состоянию человеческого сердца.

Христос показывает эту глубину в Нагорной проповеди.

Он не ограничивается запретом убийства, но говорит о гневе и примирении. Не ограничивается внешней нравственностью, но обращается к внутренним движениям человека.

И наконец, призывает любить врагов.

Разве обычный человеческий закон может потребовать искренней любви к тому, кто нас ненавидит?

Он может запретить месть. Может обязать соблюдать чужие права. Но не способен одним своим существованием пробудить искреннее желание его добра и спасения.

Поэтому любовь не только удерживает человека от запрещённого зла. Она побуждает его добровольно совершать добро, которое невозможно исчерпывающе перечислить в законодательстве.

Любовь исполняет нравственное содержание закона, но не исчерпывается внешним исполнением его предписаний.

Она не является разрешением нарушать добро. Напротив, она стремится к такой полноте добра, которую невозможно создать одним принуждением.

Закон для человека, который ещё не научился любить

Почему вообще возникают законы, запрещающие насилие, обман и присвоение чужого?

Потому что человек способен совершать эти поступки.

Общество вынуждено защищать своих членов от тех, кто не желает добровольно соблюдать нравственные требования.

Апостол Павел говорит:

«Закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых» (1 Тим. 1:9).

Эти слова не следует механически переносить на все виды государственных законов. Но они позволяют увидеть различие между внешним сдерживанием зла и внутренней праведностью человека.

Тот, кто не желает причинять ближнему зло, не нуждается в угрозе наказания, чтобы отказаться от преступления.

Представим человека, которого удерживает от насилия над родителями сама любовь к ним. Его удерживает не страх перед судом: он сам не желает причинять им зло.

А теперь попробуем мысленно расширить это отношение.

Что произойдёт, если человек научится относиться с такой любовью не только к самым близким, но и к окружающим людям?

А если подобных людей станет большинство?

И наконец, представим общество, в котором каждый действительно стремится к благу другого и никто сознательно не совершает насилия, обмана или воровства.

Для чего такому обществу понадобилась бы карательная система, созданная для борьбы с этими преступлениями?

Если этих преступлений нет, исчезает необходимость наказывать за них. Там, где люди добровольно исполняют нравственный долг, отпадает потребность принуждать их к его исполнению.

Следовательно, судебные и карательные учреждения могли бы постепенно утрачивать своё назначение по мере исчезновения тех правонарушений, для борьбы с которыми они существуют.

Причиной стало бы прекращение самих злых поступков, а не признание их допустимыми.

При этом необходимость согласовывать общие дела, разрешать добросовестные разногласия или устанавливать технические правила совместной жизни не обязательно исчезнет. Любовь сама по себе не заменяет всех знаний, решений и способов организации общества.

И мы не утверждаем, что человечество непременно достигнет описанного состояния.

Мы лишь исследуем, каким могло бы стать общество, если бы его участники действительно научились жить по евангельской любви.

Можно ли построить общество любви без любви?

Внешнее преобразование общества само по себе не гарантирует внутреннего изменения людей.

Можно изменить форму правления. Можно принять новые законы. Можно перераспределить имущество, перестроить хозяйство, создать новые учреждения.

Но что произойдёт, если управлять ими будут люди, сохранившие прежние страсти?

Честолюбивый человек может стремиться к власти при любом государственном устройстве. Корыстный способен искать личную выгоду даже там, где официально провозглашено всеобщее равенство. Гордый может превратить служение обществу в средство собственного возвышения.

Новая система не уничтожает автоматически старые человеческие пороки.

Более того, прекрасная цель не оправдывает жестокие средства её достижения.

Нельзя воспитать любовь ненавистью. Нельзя научить милосердию посредством бессердечия. Нельзя сделать человека внутренне свободным, просто принудив его произносить правильные слова.

Поэтому наше исследование будущего общества должно начинаться не с поиска совершенного государственного механизма.

Оно должно начинаться с вопроса о самом человеке.

Но здесь возникает ещё одна трудность.

Мы не можем предполагать, что все люди однажды одновременно станут святыми. Не можем считать, что человеческие страсти исчезнут сразу после принятия правильных общественных принципов.

Следовательно, необходимо различать два состояния.

Первое — общество несовершенных людей, которые искренне стремятся жить по Евангелию, но ещё борются со своими слабостями. Такому обществу необходимы ответственность, защита пострадавших, исправление ошибок и определённый порядок.

Второе — возможное общество людей, достигших высокой духовной зрелости, где многие привычные средства принуждения могут оказаться ненужными.

Между этими состояниями лежит не административный приказ, а трудный путь внутреннего преображения человека.

И даже этот путь не гарантирует заранее определённого исторического результата.

Любовь не перестаёт быть личной, когда люди объединяются. Напротив, она получает возможность проявиться в общей жизни. Если человек из любви делится хлебом с нуждающимся, то и общество, созданное людьми, стремящимися к той же любви, может устроить своё хозяйство так, чтобы никто не оставался без хлеба. Если один помогает больному, то общими усилиями можно организовать уход и лечение для нуждающихся — в пределах доступных средств и медицинских возможностей. В этом состоит замысел будущего общества: не заменить

человеческую любовь учреждением, а дать ей проявиться и в устройстве самих учреждений. Государство не становится источником спасения; оно служит людям, оставляя им больше свободы для жизни по Евангелию.

От закона к любви

Закон, справедливость, милосердие и любовь не подменяют друг друга.

Закон способен ограничивать зло. Справедливость позволяет различать должное и недолжное, защищать права и устанавливать ответственность. Милосердие открывает возможность прощения, снисхождения и восстановления человека.

Любовь призывает к большему: она стремится к тому, чтобы человек сам перестал желать зла и добровольно делился добром, не ожидая награды.

Именно такая любовь могла бы стать основанием совершенно иных человеческих отношений.

Такое изменение не совершается одним постановлением правительства: человеку предстоит внутренний труд с помощью Божией благодати.

Апостол Павел говорит об отложении ветхого человека и облечении в нового (Еф. 4:22–24).

Как при помощи Божией благодати меняются человек и его повседневные отношения?

Об этих переменах мы и поговорим в следующей главе.

Потому что общество любви невозможно без людей, которые учатся любить.

Глава 3. Новый человек и общество любви

С чего начинается новая жизнь

Представим человека, который однажды обнаружил: вся его жизнь проходит в борьбе за то, что он не может удержать. Деньги могут исчезнуть, здоровье ослабеть, уважение окружающих перемениться. Даже самая счастливая земная жизнь имеет предел. И вдруг перед ним открывается иной вопрос: а что, если человек создан не только для нескольких десятилетий земного существования? Что, если ему обещана жизнь, которая не кончается?

Христианство отвечает на этот вопрос не мечтой о лучшем устройстве мира, а словами Самого Христа: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Ин. 6:47). Это обетование обращено к человеку. Не к государству, не к народу как безличной массе, а к каждому, кто слышит Евангелие и решает, как ему жить.

Цель христианской жизни — быть с Богом, а не бесконечно продолжать земные удовольствия.

Разве можно сравнить эту цель с тем, от чего человек отказывается, когда начинает бороться со грехом? Ему предстоит труд, порой мучительный. Привычное удовольствие может казаться близким и ощутимым, а обещанное блаженство — далёким. Но христианин вступает в борьбу не ради пустоты и не ради одного только запрета. Он стремится к величайшему благу, которое может быть дано человеку.

При этом Евангелие не предлагает лёгкого договора: совершишь определённое число добрых дел — получишь награду. Спасение есть дар Божий, а не плата за заслуги. Вера, покаяние, жизнь в Церкви и исполнение заповедей — не покупка вечности, а ответ человека на призыв Божий. Этот ответ должен становиться делом, иначе прекрасные слова так и останутся словами.

Что человек приобретает уже здесь

Бывает, что человек скрывает неправду от всех, но не может укрыться от собственной совести. За столом близкие улыбаются, радуются встрече, а он вспоминает, как несправедливо поступил, — и радость меркнет. Признать вину страшно: это кажется унижением. Но, решившись попросить прощения и исправить содеянное, он обнаруживает, что правда не уничтожила его достоинства. Больше не нужно беречь ложь и бояться разоблачения. Мир в душе не всегда приходит сразу, но искреннее покаяние и примирение могут принести подлинную радость.

Или человек годами жил в тревожном соревновании с другими. Чужое благополучие воспринималось как собственное поражение. Постепенно, учась благодарности и любви, он начинает радоваться

тому, чему раньше завидовал. Денег вокруг не прибавилось, но в его собственной жизни стало больше радости.

Другой привык отвечать на всякую грубость грубостью. Теперь, удержавшись хотя бы однажды, он впервые видит, что не обязан повиноваться каждому вспыхнувшему чувству. Он ещё далёк от бесстрастия, но уже знает: страсть не всесильна, а он не обречён оставаться её рабом.

Духовный путь не всегда приносит быстрое облегчение. Бывают скорби, падения и долгий труд без видимого успеха. Но и тогда он сохраняет смысл: человек учится жить перед Богом, а не только ради своих желаний.

Христос не обещал ученикам безоблачного существования: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33). Страдания не отменяют надежды, а земные приобретения не исчерпывают того, что обещано человеку.

Жизнь, которая говорит без проповеди

Когда человек начинает меняться, это замечают не по торжественным заявлениям. Замечают по тому, как он разговаривает с домашними, как обращается с тем, от кого ничего не зависит, как ведёт себя, когда никто не смотрит. Его вера перестаёт быть только убеждением и приобретает видимый облик.

«Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). Христос говорит не о славе человека, выставляющего свою добродетель напоказ. Добрые дела указывают на Бога, по Чьим заповедям человек старается жить.

Здесь нет места самодовольству. Стоит человеку начать любоваться тем, насколько он лучше других, как его добро подвергается опасности гордости. Настоящий пример чаще возникает невольно: человек просто старается не предавать свою совесть.

Кто-то рядом с ним впервые понимает, что можно жить иначе. Не всякий откликнется на такой пример, но у другого человека появляется возможность свободно выбрать тот же путь — без принуждения и громких призывов.

Милосердие и границы

Люди, стремящиеся жить по Евангелию, ещё борются со страстями. Человек может падать, стыдиться падения, каяться и снова подниматься. В совместной жизни ему нужны терпение, помощь и возможность исправления.

Но совсем иное дело — сознательное причинение зла, его оправдание и вовлечение в него других. Если кто-то угрожает, избивает,

принуждает или совершает преступления, община обязана защищать пострадавших. При необходимости должны действовать законные меры ответственности. Принадлежность к общине не даёт права причинять вред без последствий.

Евангелие говорит и о братском вразумлении, и о том, что упорный отказ услышать обличение может привести к отстранению (Мф. 18:15–17). При этом апостол наставляет: «Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата» (2 Фес. 3:15). Любовь не означает разрешения разрушать жизнь других. И твёрдая граница не обязательно означает ненависть.

Решения об ограничении участия или исключении не должны зависеть от произвола сильного. Нужно различать проступок и обвинение, проверять обстоятельства, беречь пострадавших и не закрывать путь к подлинному исправлению там, где возвращение возможно и безопасно. Иначе община, созданная ради любви, сама превратится в источник несправедливости.

Дети: доверенное нам будущее

В таком обществе будут рождаться дети. Они не выбирают семью и обстоятельства своего рождения. Родители принимают их как доверенную им жизнь, за которую несут ответственность перед Богом.

Ребёнок похож на молодой росток. Ему необходимы свет, забота и терпение. Но воспитание — не изготовление заранее заданного характера. Родители могут дать пример молитвы, правдивости, верности, научить различать добро и зло. Они не могут отменить свободу человека, который однажды вырастет.

Ребёнок узнаёт о покаянии прежде всего из поступков родителей. Но даже самое доброе воспитание не гарантирует праведного выбора взрослого сына или дочери.

Не у всех одинаковое начало. Один рос среди заботы и слышал о Боге с детства; другой видел жестокость, унижение и не знал иного образца. Евангельские слова о различной ответственности знавшего и не знавшего волю господина (Лк. 12:47–48) напоминают нам, что мера знания имеет значение. Однако лишь Бог знает всю глубину человеческих обстоятельств и свободы.

Когда дети становятся взрослыми, они отвечают за собственные решения. Общество любви должно передавать им веру и добрый пример, но не может силой создать любовь в сердце. Иначе оно будет воспроизводить внешнее послушание вместо свободного стремления к Богу.

От несовершенной общины — к обществу любви

В общинах неизбежны ошибки и разногласия. Поэтому нужны понятные правила, справедливое разрешение споров и защита слабых.

Но мы вправе представить и другое направление развития. Если всё больше людей действительно научатся жить ради Бога и ближнего, многие поступки, которые сегодня приходится обеспечивать запретом и наказанием, станут совершаться свободно. Внешнее принуждение будет требоваться реже там, где добро сделалось внутренним выбором. Это не пророчество о неизбежном ходе истории, а возможность, которую мы исследуем.

Главное достижение такого общества нельзя измерить числом жителей или размером территории. Оно будет видно по тому, каким становится человек: умеет ли он хранить верность, не ищет ли выгоды в чужой беде, способен ли нести ответственность за собственные поступки. И ещё — помогает ли совместная жизнь людям приближаться к Богу.

Именно здесь земное и вечное соединяются в правильном порядке. Мы не предлагаем человеку спасаться ради создания прекрасного государства. Мы говорим: стремясь ко Христу, люди могут изменить и мир своих отношений. Общество любви — возможный плод духовной жизни, а не замена её конечной цели.

В отношениях между людьми становятся видны плоды духовного труда. Теперь можно перейти к вопросу о власти: как устроить управление, чтобы оно поддерживало такое служение и позволяло исправлять ошибки?

Глава 4. Церковь, соборность и государственное управление

В обществе, где любовь к ближнему становится основанием жизни, власть приобретает иной смысл. Она перестаёт быть наградой победителю, способом возвыситься над другими или правом распоряжаться чужими судьбами. Управление остаётся необходимым: людям нужно строить дома, выращивать хлеб, лечить больных, поддерживать дороги и обеспечивать безопасность. Но руководить всем этим призывают не ради почестей. Власть становится служением, в котором человеку доверяют заботу о многих, а вместе с ней — тяжёлую ответственность.

Можно представить страну, в которой не нужно бороться за должность, искать покровителей и оттеснять соперников. Здесь вопрос ставится иначе: кому можно доверить это дело? Кто показал своей жизнью, что способен трудиться ради других? Кто умеет признавать ошибки, слышать людей и находить помощников, знающих дело лучше него?

Новое устройство власти должно поддерживать нравственное преображение общества и позволять обнаруживать и исправлять ошибки.

Церковь — духовное основание общества

В основании этого общества стоит Церковь — не как государственное ведомство и не как аппарат управления хозяйством, а как духовное единство людей, стремящихся жить во Христе. Церковь хранит веру, призывает человека к покаянию, учит любви и различению добра и зла. Её назначение нельзя свести к контролю чиновников, распределению ресурсов или утверждению производственных планов.

Но духовная жизнь не существует отдельно от повседневной. Нельзя говорить о любви к ближнему в храме и оставаться равнодушным к его страданиям за порогом. Если слабые остаются без помощи, если безответственность власти подвергает людей опасности, это не только хозяйственный вопрос. Это также вопрос совести.

Соборность означает не бесконечное голосование обо всём и не передачу каждой житейской задачи духовенству. Она предполагает совместную ответственность, умение слушать друг друга и искать решение ради истины и общего блага. Епископы, священники и миряне не имеют одинакового церковного служения, однако народ Церкви не может быть безмолвной массой, от которой скрывают его собственные беды.

У предлагаемого устройства есть важная граница: вероучение и канонический строй Церкви нельзя произвольно менять ради политической схемы. Описываемое государственное устройство —

возможная концепция общественной жизни, а не новое церковное установление и не утверждение, будто подобный порядок существовал в прошлом.

Вселенское единство и поместная ответственность

Православная Церковь едина и не ограничивается границами одного государства. Поэтому духовное единство православных народов не может зависеть от местных политических интересов. Каждое православное государство в предполагаемом общественном устройстве имеет свой Поместный Архиерейский собор, который действует в пределах своих канонических полномочий и несёт ответственность за церковную жизнь и соблюдение общего церковного порядка.

Вопросы, затрагивающие всю Церковь, а также разногласия между Поместными Архиерейскими соборами разных православных государств должны разрешаться на общецерковном соборном уровне. В этой концепции таким уровнем является Вселенский собор. Единое вероучение не может изменяться по решению отдельного государства, и ни один местный собор не должен противопоставлять себя полноте Церкви.

В то же время не следует заранее определять, как часто должен собираться Вселенский собор, сколько епископов будет представлять каждую Церковь и как будет устроена его работа. Эти вопросы принадлежат самому церковному епископату и требуют решения в соответствии с каноническим преданием, а не по заранее составленному государственному проекту.

Поместный Архиерейский собор рассматривает вопросы, возникающие в жизни своего государства, и действует в рамках церковного порядка. Ни епископский сан, ни высокий государственный пост не освобождают человека от церковной ответственности. Вместе с тем всякое разбирательство должно быть справедливым, а полномочия суда и порядок обжалования — соответствовать канонам.

Со временем общество столкнётся с новыми обстоятельствами, которых не знали прежние поколения. Но появление новых технологий и новых способов причинения вреда не означает необходимости менять православные догматы. Необходимые решения должны приниматься компетентной соборной властью, с соблюдением церковного предания и с заботой о человеке.

Избрание достойного

Кто должен руководить страной? Не тот, кто громче всех заявляет о своём праве властвовать, а тот, кому общество доверяет по плодам его жизни. Желание служить и готовность принять ответственность не

тождественны страсти к господству. Человек может обладать редкими способностями организатора и при этом не искать почестей.

Будущего руководителя нельзя узнать по нескольким выступлениям. Его качества раскрываются годами: как он относится к слабым, как ведёт себя при неудаче, умеет ли работать рядом с людьми, признаёт ли собственную неправоту, способен ли доверять более знающим помощникам. Подготовка к управлению начинается не с права командовать, а с учёбы, труда и опыта ответственности за небольшое дело.

Возможный порядок выдвижения опирается на жизнь общин. Люди, годами знающие друг друга, могут свидетельствовать о достоинствах и недостатках кандидатов. Приходы и епархии становятся местом обсуждения; епископы представляют достойных мирян на соборное рассмотрение. Поместный Архиерейский собор избирает главу правительства. Такой порядок не делает местное свидетельство безошибочным, но заменяет борьбу за власть последовательным поиском человека, чьё служение уже испытано делом.

Одной нравственной репутации недостаточно. Руководителю необходимы знания, способность принимать решения, понимание сложного хозяйства страны и готовность отвечать за порученное. Достойный человек не обязательно пригоден к любому служению.

Правительство, которому доверено управлять

Когда глава правительства избран, ему необходимо доверить действительное управление. Нельзя возложить на него ответственность за страну и одновременно лишить права выбирать помощников. Он формирует команду, распределяет обязанности и организует работу всех отраслей — от энергетики и сельского хозяйства до самых простых вещей повседневной жизни.

Для людей важны не торжественные отчёты, а то, есть ли в доме тепло, доступна ли помощь врача, исправны ли дороги, хватает ли необходимого для труда и быта. Если человек не может получить даже иголку для шитья, за этим может стоять разрыв в производстве или снабжении. Задача правительства — видеть жизнь страны целиком, не пренебрегая малым.

Архиерейский собор не должен подбирать министров вместо главы правительства, руководить заводами, определять маршруты транспорта и ежедневно проверять хозяйственные распоряжения. У него иное служение. Он избирает руководителя, которому доверяет, сохраняет право оценивать результаты его работы и спрашивать за последствия решений. Повседневная исполнительная власть остаётся у правительства.

Такое разделение необходимо и самому руководителю. Если он знает, что отвечает за общий результат, ему выгодно окружать себя не

льстецами, а людьми компетентными и честными. Способный помощник не угрожает его положению, а помогает исполнить порученное служение. Подбор слабых подчинённых ради личного превосходства свидетельствует о неспособности правильно распоряжаться властью.

Ответственность не заканчивается на исполнителе

У каждой проблемы в стране есть фамилия, имя, отчество и должность человека, которому доверено отвечать за соответствующее дело. Это не означает, что у всякого несчастья непременно есть виновный. Но означает, что ни одно происшествие не должно оставаться без ответственного за выяснение причин, помощь пострадавшим и устранение опасности.

Представим производственную аварию. Рабочий не закрыл устройство, не заметил предупреждение или допустил неверное действие. Легче всего назвать его виновным и закончить разбирательство. Но прежде необходимо спросить: был ли он обучен? Имел ли исправное оборудование? Был ли обеспечен необходимыми средствами? Не работал ли без отдыха? Существовали ли понятные инструкции и контроль? Можно ли было устроить процесс так, чтобы одна человеческая ошибка не оборачивалась бедствием?

Руководить — значит не только отдавать распоряжения. Это значит создавать условия, в которых люди способны работать добросовестно и безопасно. Слова «я приказал, а он не выполнил» сами по себе не освобождают начальника от ответственности. И вместе с тем нельзя заранее объявлять виновным каждого вышестоящего руководителя: обстоятельства, возможности предотвратить беду и действия каждого должны быть установлены справедливо.

Ответственность распространяется на всю управленческую вертикаль. Непосредственный начальник отвечает за свой участок, руководитель отрасли — за организацию работы подчинённых, глава правительства — за состояние управления страной. Когда ошибки повторяются в разных местах, когда одновременно срываются важные работы, теряются ресурсы и нарушается безопасность, вопрос поднимается выше. Возможно, причина уже не в одном нерадивом исполнителе, а в самой системе руководства.

Особенно тяжела ответственность за опасности, которые можно было предвидеть. Лесной пожар, наводнение, авария на плотине, остановка отопления зимой — это не только испытания для тех, кто устраняет последствия. Это проверка того, насколько заранее изучены риски, подготовлены люди и средства, организовано предупреждение бедствий. Нельзя считать долг исполненным лишь потому, что распоряжение подписано.

Добросовестный руководитель тоже может столкнуться с бедой, которой невозможно было избежать. Поэтому справедливость требует

различать несчастный случай, недостаток знаний, ошибку с непредвиденными последствиями, грубую халатность и сознательное сокрытие опасности. Виновность нельзя определять по одному масштабу трагедии. Но отсутствие злого умысла не оправдывает человека, который пренебрёг обязанностью защищать доверенных ему людей.

Если доказанная грубая халатность должностного лица привела к гибели людей, в предлагаемом обществе он пожизненно утрачивает право занимать руководящие должности. Такая мера не должна применяться по слуху, из мести или ради поиска удобного виновного. Необходимы справедливое разбирательство, возможность защиты и установление личной ответственности. Лишение власти не означает лишения человеческого достоинства: человек сохраняет возможность трудиться, каяться и исправлять жизнь. Но прощение не обязывает общество вновь доверять ему чужие жизни.

Не всякая задержка строительства или хозяйственная потеря заслуживает столь тяжёлой меры. Там, где нет доказанной тяжёлой халатности с человеческими жертвами, необходимы исправление, обучение, оценка пригодности и, когда требуется, замена руководителя. Иначе строгость превратится в страх перед любой инициативой, а страх породит сокрытие ошибок.

Есть и другая опасность: руководитель может попытаться сделать подчинённого виновным в собственном ошибочном решении. Поэтому выяснение причин не должно зависеть только от тех, чьи действия проверяются. Недопустимо договариваться о ложной вине, обменивать молчание на новую должность или перекладывать ответственность вниз по служебной лестнице.

Пятилетняя оценка и чрезвычайные обстоятельства

Государственное управление не похоже на короткое поручение, результат которого виден на следующий день. Чтобы наладить производство, снабжение, строительство и подготовку специалистов, требуется время. Поэтому каждые пять лет Архиерейский собор может проводить всестороннюю оценку работы главы правительства и состояния страны. Пять лет здесь — период проверки, а не обязательный срок смены власти.

Оцениваться должны не обещания и количество распоряжений, а реальная жизнь людей, устойчивость необходимых служб, способность предупреждать бедствия и исправлять обнаруженные недостатки. Для этого собору нужны независимые сведения, профессиональные заключения и честные свидетельства с мест. При необходимости учитывается способность руководителя по состоянию здоровья продолжать ответственное служение — с уважением к его достоинству и частной жизни.

Если человек справляется, зачем менять его только потому, что наступила очередная дата? Опыт, доверие и знание сложного дела имеют большую ценность. Хороший руководитель может продолжать служение после нескольких проверок. Но прежние заслуги не дают права закрывать глаза на нынешние нарушения.

Пять лет не означают пяти лет безответственности. Если возникает тяжёлая чрезвычайная ситуация, ждать очередного срока нельзя. Представим северный город, оставшийся зимой без отопления. Люди мёрзнут, разрушаются системы, под угрозой жизни больных, детей и стариков. Правительство обязано немедленно организовать помощь, включая временное размещение людей и другие необходимые меры. Если оно бездействует или явно не справляется, беда становится предметом безотлагательного соборного рассмотрения.

Священники живут рядом с людьми, слышат жалобы и видят страдания. Епископы получают известия от приходов и могут поставить вопрос перед собором. Собор не должен лично руководить ремонтом теплотрассы или эвакуацией. Но он обязан потребовать объяснений, установить причины бездействия и решить вопрос об ответственности тех, кому доверено управление. Вмешательство в вопрос ответственности не должно превращаться в подмену специалистов, спасающих людей.

Если выявлены недостатки, собор может потребовать их устранения и назначить разумный срок, когда это безопасно для людей. Если же промедление угрожает жизни или установлена неспособность руководства действовать, вопрос о замене нельзя откладывать. При этом оценивать следует реальные действия и возможности, а не только громкость жалоб или удобство обвинения.

Преемственность без борьбы за власть

Даже хороший руководитель не будет занимать должность вечно. Силы человека меняются, здоровье может ослабнуть, обстоятельства требуют новых знаний. Поэтому мудрое управление должно заранее заботиться о преемственности, не превращая поиск преемника в заговор против действующего главы.

Когда становится ясно, что замена необходима, достойного кандидата следует готовить постепенно. Он должен узнавать дело, понимать причины прежних решений, знакомиться с людьми и принимать ответственность не в один день. Прежний руководитель может передавать опыт и помогать переходу, если это уместно и новый руководитель согласен принять такую помощь. Но после передачи полномочий не должно возникать двух соперничающих центров власти.

Так сохраняется устойчивость страны. Перемена человека у власти не должна оборачиваться потрясением для тех, кто ждёт хлеба, тепла, лечения и спокойной жизни. Государство не принадлежит

руководителю, и уход с должности не должен восприниматься им как потеря собственной жизни.

Власть, которая помнит о человеке

Устройство общества можно описать множеством схем. Можно придумать порядок назначения, проверки и замены должностных лиц. Но ни одна схема не заменит совести. Самый тщательно устроенный контроль окажется бессилен, если все его участники будут прикрывать друг друга, а чужую беду считать досадной помехой.

И напротив, там, где руководитель воспринимает доверенное ему дело как служение Богу и ближним, меняется сам смысл власти. Он не ищет оправдания собственному бездействию, не прячет неудачу за спиной рабочего, не боится способного помощника и не держится за должность, когда уже не может принести пользу. Он знает, что отвечает не перед отвлечёнными цифрами, а перед живыми людьми и Богом.

Власть существует ради человека, и чем выше служение, тем больше в нём должно быть любви, ответственности и готовности отвечать за доверенных тебе ближних.

Глава 5. Соборное хозяйствование: общество без денег

Представим общество, в котором человек больше не вынужден зарабатывать право на хлеб, жильё или лечение. Он трудится не ради того, чтобы купить необходимое, а потому, что его труд нужен другим. И другие люди, в свою очередь, трудятся ради него. Такое общество невозможно создать одним постановлением об отмене денег. Его начало — изменение самого человека, его отношения к ближнему, собственности и труду.

В основе предлагаемого устройства лежит православное понимание любви как деятельного служения. Человек перестаёт рассматривать другого как средство собственного благополучия. Земледелец выращивает хлеб, потому что людям нужен хлеб. Строитель возводит дома, потому что людям необходимо жильё. Врач помогает больному, потому что больной нуждается в помощи. Каждый приносит то, на что способен, и каждый получает необходимое для жизни. Такой порядок мы называем соборным хозяйствованием.

Речь идёт о возможной форме православного теократического государства, в котором Церковь является духовно-нравственным основанием общественного устройства, а хозяйственная деятельность подчинена служению человеку. Слово «теократия» помогает обозначить характер предлагаемой модели, но не означает, что всякая историческая теократия была устроена именно так. Мы рассматриваем особый вариант, опирающийся на соборность, ответственность и евангельскую любовь. Гражданское устройство не следует принимать за церковный догмат.

Человек — начало хозяйственного плана

Современное хозяйство часто начинает свой расчёт с дохода, цены, спроса, окупаемости. В соборном хозяйствовании исходным вопросом становится другой: что необходимо людям для достойной жизни и чего им сегодня недостаёт? Пища, одежда, жильё, лечение, образование и средства для труда не должны зависеть от личного денежного достатка. Обязанность государства — организовать такое обеспечение, чтобы помощь достигала не абстрактной группы населения, а каждого конкретного человека.

Потребности людей различны. Одному требуется особое питание по состоянию здоровья, другому — дополнительная одежда или приспособления для повседневной жизни, третьему — помощь в домашнем хозяйстве. Равная забота не означает одинакового набора вещей для всех. Она означает внимательное отношение к действительной нужде каждого. При этом нуждающийся не должен унижаться, доказывая право на необходимое, а ответственный за

обеспечение не должен превращать свою должность во власть над чужой жизнью.

Можно представить общие столовые, которые освобождают человека от ежедневной необходимости самостоятельно готовить пищу и обеспечивают полноценное питание. Для тех, кому по медицинским причинам нужен особый рацион, питание должно подбираться отдельно. Пункты обеспечения одеждой и предметами быта предоставляют необходимое по запросу и реальной потребности. Это лишь возможные формы организации жизни; их задача не подчинить человека системе, а избавить его от лишних забот и поддержать здоровье.

Человек, окончивший обучение и вступающий в профессиональную жизнь, не должен оказываться перед выбором между полезным трудом и борьбой за элементарное существование. Общество должно помогать ему найти дело по способностям, обеспечить жильём и всем необходимым. То же относится к человеку, живущему одному, к пожилому, к больному и к тому, кто не может трудиться. Семейное положение не должно определять меру заботы о нём.

Выпускник, приехавший туда, где нужны его знания, должен получить жильё и необходимое для жизни. Приступая к делу, он знает, что дом построен чьими-то руками, хлеб выращен чужим трудом, а теперь и от его добросовестности зависит жизнь других людей.

Личное и общее

Общность хозяйства не означает исчезновения личной жизни. Книги, одежда, домашние вещи, предметы молитвы, всё необходимое в жилище человека остаётся в его личном пользовании. Дом, квартира или иная форма жилья должны быть местом его спокойной жизни, а не пространством произвольного вмешательства распорядителей. Формы пользования землёй, жильём и отдельными средствами передвижения могут различаться и требуют дальнейшего продумывания.

Иное дело — предприятия, крупный транспорт, инфраструктура, производственные мощности и ресурсы, от которых зависит жизнь общества. В предлагаемой церковно-государственной системе они служат общему благу, а не личному обогащению владельцев. Руководитель не становится собственником общего труда лишь потому, что ему доверено управление.

От потребности — к производству

Чтобы человек получил необходимое, недостаточно провозгласить добрую цель. Нужно знать, сколько людей нуждаются в определённых благах, что уже имеется, что необходимо произвести и какие ресурсы для этого потребуются. Поэтому важнейшей частью такого государства может стать Министерство статистики и планирования — название

условное, но назначение ясно: связывать реальные потребности людей с возможностями хозяйства.

Запросы поступают от людей и местных служб. На их основе складывается общая картина: где не хватает жилья, где требуется больница, сколько необходимо продовольствия, какие дороги следует построить, какие материалы и специалисты понадобятся. Затем отрасли согласуют между собой производство, поставки, строительство, обучение кадров и сроки. Чтобы проложить дорогу, недостаточно направить дорожных рабочих: нужны проект, техника, материалы, энергия, временное размещение и питание людей. Всё это части одного общего дела.

План может охватывать пять лет, но пятилетие не является пределом мысли. Одни задачи решаются за месяцы, другие требуют десятилетий: восстановление природы, создание новых технологий, строительство сложной инфраструктуры. Долгосрочные цели должны сочетаться с текущими планами, а сами планы — постоянно уточняться по реальным обстоятельствам. Необходимы также запасы на случай бедствий, неурожая и помощи людям за пределами собственного общества.

Деньги не нужны как посредник между человеком и жизненно необходимыми благами. Но исчезновение денежных расчётов не отменяет самого труда, времени, материалов, энергии и ограниченности ресурсов. Общество обязано понимать, сколько имеется зерна, лекарств, машин и специалистов, чтобы не обещать того, чего ещё не произведено. Такой учёт — не торговля и не скрытая зарплата; это ответственность за то, чтобы никто не остался забытым.

Техника, которой не нужно продавать себя

Когда целью производства становится не прибыль от очередной продажи, а благо человека, меняется и отношение к качеству вещей. Изделие должно служить долго, быть надёжным, безопасным и по возможности ремонтопригодным. Нет нравственного смысла намеренно делать вещь недолговечной ради того, чтобы вскоре изготовить и выдать новую. Ресурсы природы и человеческий труд слишком ценны для подобного расточительства.

Это не означает, что любое новое изобретение необходимо внедрять немедленно. Технический прогресс должен оцениваться по его действительной пользе: облегчает ли он тяжёлый и опасный труд, помогает ли больным, сохраняет ли природу, даёт ли возможность больше помогать другим? Духовно возрастающее общество сможет иначе поставить вопрос о мере необходимого. Возможно, часть физического труда оно сохранит сознательно — не из технической отсталости, а потому, что труд способен воспитывать ответственность и

внимание к ближнему. Какие именно технологии окажутся нужны будущим поколениям, решать им самим.

Любовь требует не только намерения, но и ответственности

Даже самая добрая система не создаст отсутствующего лекарства и не соберёт урожай вместо земледельца. Бывают аварии, ошибки планирования, нехватка материалов, стихийные бедствия. Поэтому необходимо не скрывать трудности, а заранее предусматривать резервы, помощь соседним общинам и возможность исправления решений. Если нужда человека не удовлетворена, это должно становиться предметом внимания ответственных лиц, а не его личной бедой.

А вот пожилой человек живёт один и уже не в силах трудиться, как прежде. Ему не нужно доказывать, что он заслужил пищу, лечение и заботу, или просить милостыню у соседей. Он получает необходимое потому, что остаётся человеком, ближним для всех. Если ему трудно дойти до столовой или пункта выдачи одежды, помощь должна прийти к нему. В этом простом обстоятельстве проверяется подлинный смысл хозяйственного устройства: способно ли оно увидеть того, кто не может громко заявить о своей нужде и ничего не может предложить взамен.

История первых христиан показывает не только общность благ, но и необходимость заботиться о справедливом распределении. В Деяниях апостолов говорится, что при ежедневном служении некоторые вдовы оказались обойдены вниманием (Деян. 6:1–6). Эта история не даёт готового государственного хозяйственного устава. Но она напоминает: даже там, где люди стремятся к добру, без внимания и ответственности можно не заметить нуждающегося.

Соборное хозяйствование нельзя свести ни к складам, ни к министерствам, ни к планам. Все они лишь средства. Его смысл — человек, который любит ближнего не на словах, и общество, которое превращает эту любовь в повседневную заботу. Государство здесь не заменяет личного милосердия; оно создаёт условия, при которых никто не должен оставаться без необходимого, а у каждого появляется больше возможностей трудиться, помогать и духовно возрастать.

Переход к такому устройству требует отдельного разговора. Пока же перед нами хозяйство, мерой успеха которого становится способность заботиться о каждом, особенно о том, кто сам о себе позаботиться не может. Этой цели должен соответствовать и порядок повседневного труда.

Глава 6. Труд, обеспечение потребностей и забота о человеке

Труд как служение

Утром мастер приходит на стройку. Ему предстоит закрыть стену, за которой однажды будет спать ребёнок. Никто из будущих жильцов не увидит, насколько тщательно он выполнил скрытую работу. Можно поспешить, скрыть недостаток и уйти. А можно сделать так, чтобы дом был надёжным и через много лет. С этого незаметного выбора начинается разговор о труде в обществе, стремящемся жить по Евангелию. Землю по-прежнему придётся возделывать, больных лечить, детей учить. Не исчезнут усталость и трудные обязанности. Но изменится ответ на вопрос: ради кого я это делаю?

Человек, воспитанный в сознании своего постоянного предстояния перед Богом, не делит жизнь на часы, когда за ним наблюдают, и часы, когда можно поступать как угодно. Если ему поручено строить дом, он помнит о семье, которая будет в нём жить. Если он выращивает хлеб, думает о тех, кому этот хлеб нужен. Если убирает улицу, не считает своё дело унизительным: благодаря его труду другие люди живут в чистоте. Не внешняя престижность работы определяет её достоинство, а любовь и добросовестность, с которыми она исполнена.

Послушание в труде не сводится к механическому выполнению приказа. Оно предполагает внимание к результату, стремление учиться, умение признавать ошибки и исправлять их. Нельзя считать добрым делом сознательно допущенный брак, если он причинит вред другим. Вместе с тем недостаток сил, болезнь, неопытность и невольная ошибка не равны намеренной небрежности. Бог не требует от человека того, чего тот физически не способен совершить.

Способности людей неодинаковы. Один справляется с тяжёлым делом быстро, другому требуется помощь, а третий по состоянию здоровья не может выполнить его вовсе. Добросовестность нельзя измерять одной меркой выработки. И трудоспособность не определяет достоинства человека.

Соборное хозяйствование

Когда люди трудятся сообща, плоды их усилий перестают рассматриваться как исключительно личная добыча. Каждый вносит свою лепту в общее дело, воспринимая этот вклад как приношение Богу. Христианское понимание Церкви как Тела Христова помогает увидеть здесь не безликую массу, а единство людей, в котором забота одного обращена к нужде другого.

Общее хозяйство требует порядка. На предприятии есть руководитель, который понимает производственные задачи; ему

помогают ответственные за отдельные участки, а те распределяют конкретные поручения. Так складывается иерархия не материальных привилегий, а ответственности. Руководитель должен знать способности людей: кому можно доверить сложную работу, кого следует обучить, кого нельзя перегружать, кому требуется иное поручение.

Не каждый труд приятен. Одни хотели бы жить в тёплом краю, другие предпочли бы спокойное занятие тяжёлой работе в поле. Но хлеб не появится сам собой, и необходимые дела нельзя оставлять только потому, что они неудобны. Поэтому человек, добровольно принимающий соборный образ жизни, принимает также обязанность исполнять разумно назначенное трудовое послушание. Это не означает, что всякое распоряжение начальника безошибочно или что совесть человека должна умолкнуть. Руководитель тоже отвечает перед Богом за справедливость своих решений.

Для тяжёлых и удалённых работ прежде ищут добровольцев. Человек, который сам готов принять неудобство ради других, показывает, что любовь не ограничивается добрыми словами. Если добровольцев недостаточно, ответственные руководители назначают послушание по силам и действительной необходимости, принимая на себя ответственность за последствия такого решения.

Прежде забота — потом поручение

Представим семью, которой предстоит переехать вслед за порученным отцу трудом. Сборы, прощание с привычным домом, неизвестная местность — всё это реальные трудности. Но в новом месте семья не должна обнаружить пустой участок земли и услышать: «Теперь устраивайтесь сами». Забота общества начинается до переезда: людей должны ожидать пригодное жильё и необходимые условия для жизни. Тогда поручение остаётся трудным, но человек не оказывается брошенным.

Специалисты будущего определят технические решения, но нравственный порядок ясен: прежде чем требовать от человека жертвы, необходимо сделать всё разумно возможное, чтобы его труд не сопровождался оставленностью. Жильё, безопасность, медицинская помощь, условия для детей — не награда за покорность, а проявление ответственности общества.

Человек отдаёт общему делу свои силы, а общество отвечает заботой о нём и его близких. Это не обмен услугами по тарифу: обе стороны исполняют долг любви.

Каждому по действительной потребности

Представим два дома на одной улице: в одном живёт руководитель предприятия, в другом — дворник. По занимаемой должности первый

несёт больше организационной ответственности. Но почему это должно давать ему право на роскошь, которой лишён второй? В предлагаемом обществе положение не становится пропуском к лучшему питанию, одежде или жилищу. Различия в обеспечении должны вытекать из действительных нужд, а не из чинов.

Как мы уже видели, равная забота учитывает разные нужды. Одинокому человеку нужно одно, большой семье — другое; болезнь может требовать дополнительных средств. Эти различия не дают основания для преимуществ по должности.

Отказ от роскоши руководителей не означает стремления сделать всех бедными. Напротив, общая работа должна помогать людям жить достойно. Различие между необходимым удобством и показным превосходством определяется не ценником одной вещи, а целью её использования и отношением к нуждам других.

Руководитель как слуга

Представим руководителя, которому сообщили о тяжёлых условиях работы одной из бригад. Он может сослаться на план и потребовать результата. А может сначала выяснить, что необходимо людям, и устранить то, что мешает безопасно и добросовестно трудиться. Вторая реакция не отменяет его требовательности; она раскрывает смысл власти как служения. Руководитель отвечает не только за сделанную работу, но и за людей, которым её поручил.

Слова Христа о том, что желающий быть первым должен стать слугой, раскрывают и смысл руководства.

Профессионализм руководителя проявляется в правильном распределении труда, предусмотрительности, умении слышать людей и признавать собственные ошибки. Его успех — не привилегия, которой он добился, а польза, которую получили другие. Специальное оборудование и условия, действительно необходимые для исполнения обязанностей, следует отличать от личной роскоши: служебное средство не является наградой за статус.

Немощь и особое духовное служение

Достоинство человека особенно ясно обнаруживается там, где он не способен самостоятельно заботиться о себе. Младенец ничего не производит. Тяжело больной человек иногда не может даже одеться без помощи. Старик может утратить силы, которыми прежде служил другим. Ни один из них не должен получать меньше потому, что не приносит измеримой хозяйственной пользы. Их жизнь ценна не результатами труда, а самим человеческим достоинством.

Забота — не только возможность выжить. Больному могут быть нужны лекарства, лечение, восстановительный отдых, особое питание,

уход, оборудование и человеческое участие. Иногда человеку требуется больше общего труда и средств именно потому, что он слабее. Помощь не унижает его: она свидетельствует о том, что он не оставлен.

Если здоровье позволяет, человек может радоваться посильному делу, но это не должно превращаться в испытание его полезности. Когда работа невозможна, забота остаётся столь же обязательной.

Существует и иной случай: человек по благословению посвящает себя особому молитвенному подвигу. История христианского подвижничества знает людей, оставлявших обычные занятия ради поста, молитвы и уединения. Их жизнь не следует смешивать с праздностью: духовный труд нельзя оценить количеством изготовленных предметов. Общество может обеспечивать такого подвижника необходимым, не требуя от него обычной производственной работы.

Но различать эти случаи нужно внимательно. Тот, кто болен, тот, кто несёт благословлённое духовное послушание, и тот, кто сознательно отказывается служить другим из любви к праздности, находятся в разных нравственных обстоятельствах. Нельзя судить о внутреннем состоянии человека по одному внешнему признаку.

Праздность и исправление

Возможность уклонения от труда нельзя исключать даже в обществе, стремящемся к духовному совершенству. Сознательная праздность противоречит общему служению: человек пользуется плодами чужих усилий, но отказывается внести собственный посильный вклад.

Однако прежде чем обвинять человека в сознательной праздности, нужно выяснить причины. Иногда за отказом от работы скрываются болезнь, истощение, страх, отсутствие нужных навыков или несправедливое поручение. Любовь требует не поспешного приговора, а внимательного различения.

Если же человек действительно отвергает всякое посильное служение, возникает вопрос духовного вразумления. В церковной жизни известны епитимии как меры исправления, но их применение требует канонического основания и рассуждения. Возможность более тяжёлых последствий, включая вопрос о принадлежности к церковно-государственной общине, нельзя решать одной фразой: это отдельный предмет богословского и правового исследования. Необходимо исключить произвол, смешение греха с немощью и лишение человека защиты по одному лишь подозрению.

Строгость, забывшая о милосердии, не становится христианской лишь потому, что называется порядком. Цель вразумления — помочь человеку вернуться к добру.

Хозяйство ради человека

Строительство предприятий, учёт запасов, транспорт и снабжение требуют знаний и опыта. Но все эти решения проверяются тем, как живут люди, которым они призваны служить.

Даже безупречно организованное хозяйство может быть нравственно несостоятельным, если сильные присваивают лучшие блага, а слабые остаются в стороне. Поэтому судить о его успехе следует не только по произведённому, но и по тому, как живут люди, особенно те, кому труднее всего.

Дворник не должен чувствовать себя человеком второго сорта, а руководитель — хозяином чужих судеб. Семья, отправленная на трудное служение, должна знать, что её не оставят.

Хозяйство здесь служит не возвышению должностей, а человеку. Его нравственный смысл можно выразить просто: каждый приносит то, что способен принести, и никто не должен быть оставлен без необходимого только потому, что слаб.

Глава 7. Семья, дети и воспитание в новом обществе

С чего начинается общество

Будущее общество начинается не с распоряжений правительства, а с человека, который впервые учится любить. Для ребёнка таким миром становится семья. В ней он узнаёт, что значит быть услышанным, что происходит после ошибки, можно ли доверять сильному и остаётся ли любовь, когда ты поступил плохо.

В соборном хозяйствовании обеспечение ребёнка необходимым не зависит от положения его родителей. Но дома, мастерские и школы не могут сами научить любви. Для этого нужны живые люди.

Семья остаётся первой школой любви, хотя уже не несёт в одиночку бремя обеспечения всех жизненных потребностей. Общество помогает родителям, а родители отвечают за близость, пример, внимание и нравственное воспитание. Ни государство, ни педагог не должны превращать ребёнка в безличную единицу общей системы.

Ребёнок не собственность родителей и не собственность общества. Он личность, доверенная заботе взрослых, чтобы однажды свободно отвечать перед Богом и людьми за собственную жизнь.

Ответственность отца и матери

Даже когда питание, одежду и образование обеспечивает общее хозяйство, родители отвечают за любовь, внимание и нравственное воспитание детей. Прежде всего они воспитывают собственным ежедневным примером. Нельзя научить честности, постоянно обманывая, или кротости, отвечая на каждое неудобство криком. Дети замечают противоречия раньше, чем взрослые готовы их признать.

Представим обычный вечер. Отец вернулся с работы уставшим; ему хочется тишины. Сын подходит с рассказом, который взрослому кажется пустяком. Можно отмахнуться: «Потом». А можно отложить свои дела, присесть рядом и выслушать. Для отца это несколько минут; для ребёнка — уверенность, что его жизнь кому-то по-настоящему важна. В другой день отец не выдержит, ответит резко и сам попросит прощения. И это тоже станет уроком: любовь не означает безошибочности, но не позволяет оправдывать свою неправоту усталостью.

Безупречных родителей нет. Но ребёнок должен видеть их стремление исправляться. Признание собственной неправоты не уничтожает родительского авторитета, а терпеливое внимание к детской тревоге учит милосердию лучше многих наставлений.

Христианское воспитание не сводится к заучиванию правил. Его смысл — помочь ребёнку полюбить добро и увидеть, что заповеди

обращены к живой человеческой жизни. Внешнее послушание важно в детстве, но оно не должно становиться конечной целью. Ребёнку предстоит научиться делать правильный выбор тогда, когда рядом не будет взрослого.

При этом хорошее воспитание не гарантирует праведной жизни выросшего человека. Родители могут вложить все силы, а сын или дочь всё же выберут иной путь. Свободу нельзя отменить даже самой искренней любовью. Поэтому ответственность родителей реальна, но она не равна абсолютной власти над будущим ребёнка.

Когда страсть называют любовью

Наряду с ответственностью перед детьми у супругов есть ответственность друг перед другом. В семье может наступить день, когда муж или жена произнесут: «Я больше не люблю тебя». Иногда за этими словами скрывается не утрата способности любить, а исчезновение прежнего телесного волнения. В первые месяцы знакомства человек ждёт каждой встречи, волнуется от голоса, не может сосредоточиться на обычных делах. Спустя годы эти ощущения становятся спокойнее. И тогда он делает ошибочный вывод: если прежнего восторга нет, значит, нет и любви.

Но что именно он называет любовью? Сильное романтическое влечение — реальное переживание, у которого есть физиологическая основа. Это не выдумка и не мистический знак, что именно с этим человеком непременно следует связать жизнь. В возбуждении, предвкушении и телесном притяжении участвуют нервная система, нейромедиаторы и гормоны. Человек может чувствовать это настолько ярко, что перестаёт различать желание обладать другим и желание добра ему.

Что происходит с человеком при влюблённости

Когда встреча или даже мысль о другом человеке обещает приятное переживание, активируются системы мотивации и вознаграждения мозга. В них важную роль играет дофамин. Его иногда называют «веществом удовольствия», но точнее сказать: он участвует в побуждении искать желаемое, в ожидании награды и обучении на значимых переживаниях. Поэтому человек вновь и вновь хочет увидеть предмет своего влечения, ищет сообщения, вспоминает улыбку, заранее представляет следующую встречу.

Состояние возбуждения сопровождается и работой систем, связанных с норадреналином и адреналином. Сердце может биться чаще, ладони — потеть, сон и аппетит — меняться. Внимание сужается: знакомый человек кажется необыкновенно значимым, его слова надолго остаются в памяти. Это не значит, что каждым отдельным чувством

управляет единственный гормон. В организме действует сложная совокупность процессов, а жизненный опыт, убеждения и сознательный выбор тоже имеют значение.

Окситоцин и другие биологические механизмы участвуют в формировании привязанности, доверия и близости. Но нельзя сказать, будто окситоцин автоматически создаёт верность или нравственную любовь. Телесная близость и сильная привязанность возможны и там, где человек остаётся эгоистичным, обманывает или причиняет зло. Химические процессы помогают понять силу переживания, но не могут сами определить его духовную ценность.

Со временем первоначальная новизна часто ослабевает. Мозг привыкает к знакомым обстоятельствам, изменяются ожидания, а в отношения входит повседневность: забота о детях, усталость, болезни, трудности, несовершенства обоих супругов. Нельзя назначить всем одинаковый срок — два года, три или пять лет. У одних перемены наступают раньше, у других позже; романтическое чувство может и сохраняться, меняя свою форму. Но человек, который считает любовью только первоначальное возбуждение, особенно уязвим перед разочарованием.

Как рождается самообман

Представим жену, которая давно живёт с мужем. Она знает его привычки и слабости, помнит обиды, устала от однообразия. И вот появляется другой мужчина. Он внимателен, рядом с ним вновь учащается сердцебиение, хочется наряжаться, ждать встречи, мечтать. Ей кажется: «Вот теперь я по-настоящему полюбила. А мужа уже не люблю». Но она сравнивает годы общего труда с первыми днями нового знакомства, когда недостатки ещё почти не видны и ответственность ещё не испытана.

Точно так же может обмануть себя муж, увлёкшийся другой женщиной. Новый человек кажется ответом на все прежние разочарования. Но и с ним однажды наступят будни. Если человек не научился любить, а привык только искать новые переживания, он может вновь принять ослабление влечения за конец любви. И снова начать поиск. Так страсть обещает счастье, а приучает к постоянной неудовлетворённости.

Здесь важно назвать вещи своими именами. Не всякое телесное влечение — грех: сама способность испытывать чувства принадлежит человеческой природе. Но когда женатый человек сознательно разжигает влечение к постороннему, ищет тайной близости, оправдывает ложь и измену словами «я встретил любовь», он принимает желание за нравственное оправдание. Сила переживания не делает предательство добром.

Страсть не насытить: остановиться в самом начале

Страсть невозможно насытить. Её нельзя победить, бесконечно уступая ей и обещая себе: «Ещё немного — и остановлюсь». Сначала хочется просто поговорить, потом — увидеться ещё раз, затем — остаться наедине. Помысел, которому человек постоянно отдаёт внимание, способен укореняться, превращаясь в привычное желание. Поэтому православная аскетическая традиция учит трезвению: замечать, куда движутся мысли, и не соглашаться с тем, что ведёт к греху.

Если возникло опасное влечение, не нужно объявлять себя погибшим только за непроизвольное чувство. Но нельзя и сознательно кормить его: искать встречи, тайно переписываться, наслаждаться мечтами о неверности, сравнивать нового человека с супругом ради оправдания собственного выбора. Лучше пресечь такое сближение в начале, чем позднее пытаться остановить страсть, которую сам долго укреплял. Борьба начинается в сердце прежде, чем грех становится поступком. Нужно обратиться к молитве и честно взглянуть на своё сердце. Прекратить опасное сближение — не значит возненавидеть другого человека; это отказ превращать его в предмет собственной страсти.

Что останется, когда умолкнет тело

Телесное влечение связано с жизнью тела. Сердцебиение, возбуждение, гормональные изменения, желание физической близости не являются вечными. Тело смертно; вместе с прекращением его земной жизни прекращаются и эти физиологические процессы. Если всё, что человек называл любовью, сводилось к приятным ощущениям плоти, он сделал преходящее основанием того, что считал величайшей ценностью.

Но любовь, о которой говорит Христос, нельзя свести к гормонам и телесному наслаждению. Она выражается в желании спасения ближнего, в верности, милосердии, прощении и жертвенности. Апостол Павел говорит: «Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13:8). В христианском понимании такая любовь причастна вечности не потому, что человеческое чувство само по себе бессмертно, а потому, что её источник и полнота — Бог. Мы призваны любить супруга не только тогда, когда тело волнуется от встречи, но и тогда, когда требуется терпеливо нести его немощи и помогать ему идти ко Христу.

Это не значит, что человеческая нежность, радость супружеской близости или привязанность лишены ценности. Ошибка — объявлять их всей любовью и делать их отсутствие основанием для нарушения заповедей. Тело может участвовать в добрых отношениях, но не должно становиться господином совести.

Верность как исполнение заповеди

Христос сказал: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6). Для христианина верность не прекращается вместе с новизной ощущений. Она требует труда, терпения, милосердия, молитвы, заботы и готовности исправлять прежде всего самого себя. Чужой грех не оправдывает собственного: раздражительность, холодность или несправедливость супруга не делают неверность добродетелью. Это требование обращено одинаково к мужу и жене. Однако забота о верности не означает обязанности оставаться под угрозой насилия; защита себя и детей от опасности не равнозначна уходу ради нового увлечения.

Прежде чем разрушить семью ради чувства, которое кажется непреодолимым, спроси себя: что именно я ищу? Добра и спасения другого человека — или новых ощущений для себя? Не называю ли я любовью страсть, ради которой готов причинить боль супругу и детям? Возможно, ещё не поздно остановиться. Любовь Христова учит желать супругу добра и спасения, хранить верность и помогать ему идти к Богу. Она не делает детей заложниками увлечения и не втягивает другого человека в обман и нарушение заповедей.

Любовь не равна вседозволенности

Любить ребёнка — не значит исполнять всякое его желание. Маленький человек ещё не умеет предвидеть последствия поступков, и разумные границы помогают ему научиться жить среди других людей. Запрет обижать младшего, обязанность вернуть чужую вещь, необходимость исправить причинённый вред — всё это может стать уроком ответственности.

Однако требовательность легко превращается в произвол, если взрослый заботится больше о собственном удобстве, чем о ребёнке. Унижение, жестокость и запугивание нельзя оправдывать благими целями. Страх может заставить молчать, но не научит любить. Наказание, лишённое объяснения и надежды на исправление, часто воспитывает скрытность вместо совести.

Вот ребёнок разбил чужую вещь и, испугавшись наказания, солгал. Он стоит перед родителями, ожидая крика. В доме, где берегут человеческое достоинство, ему не скажут, что ложь не имеет значения. Ему помогут признаться, попросить прощения и по возможности возместить ущерб. Но он выйдет из разговора не с убеждением, что стал плохим навсегда, а с пониманием: правду говорить трудно, и всё же здесь её можно сказать. Такое доверие не возникает за один вечер; оно вырастает из многих прежних встреч.

Нужно различать человека и его проступок. Ребёнок солгал — значит, ложь следует назвать ложью, но не нужно объявлять самого

ребёнка навсегда негодным. Он обидел товарища — значит, необходимо остановить обиду и помочь восстановить отношения. Воспитание должно открывать путь к исправлению, а не навешивать пожизненные ярлыки.

В семье полезно учиться не только просить прощения, но и прощать. Если взрослые помнят детскую ошибку годами и используют её как оружие в каждом споре, ребёнок перестаёт верить в возможность перемены. Любовь же соединяет правду о поступке с надеждой на человека.

От зависимости к самостоятельности

В начале жизни ребёнок почти полностью зависит от взрослых. Затем его самостоятельность постепенно возрастает. Сначала он учится выбирать занятие, беречь свои вещи, выполнять обещанное; позднее — оценивать поступки, дружить, трудиться и отвечать за решения. Воспитание должно следовать этому взрослению, а не удерживать человека в вечном детстве.

Родительская власть оправдана заботой, а не желанием владеть чужой жизнью. Если взрослые решают за подростка всё, они лишают его возможности научиться ответственности. Если же они слишком рано оставляют его без поддержки, он сталкивается с трудностями, к которым ещё не готов. Нужны и свобода, и сопровождение, соответствующие возрасту.

Наступает время, когда сын или дочь становятся самостоятельными. Они могут советоваться с родителями, любить и почитать их, но собственный нравственный выбор уже принадлежит им самим. Ни мать, ни отец не могут прожить жизнь за своего ребёнка. Именно поэтому воспитание должно готовить к свободе, а не к бесконечному подчинению.

Защита младших и детская среда

Дети способны на искреннюю доброту, но не всегда умеют понимать чужую боль. Старший может подчинять младшего, сильный — высмеивать слабого, а группа — превращать чью-то уязвимость в развлечение. То, что одним кажется шуткой, другому может причинить глубокую обиду. Нельзя оставлять такие случаи без внимания, называя их обычным детским делом.

Поэтому я предлагаю внимательно организовывать общение детей по возрасту и степени зрелости. Возрастные группы позволяют учитывать разные потребности и уменьшать ситуации, в которых младшие оказываются беззащитны перед старшими. Но это не запрет на дружбу между возрастами. Под присмотром внимательных взрослых

старшие могут учиться заботиться о младших, а младшие — доверять старшим.

Воспитатель должен защищать пострадавшего и одновременно помогать обидчику исправиться. Нельзя допускать, чтобы жалоба ребёнка становилась поводом для новых насмешек. Но нельзя и объявлять провинившегося ребёнка безнадёжным. Его необходимо остановить, объяснить последствия и научить исправлять причинённый вред.

На школьном дворе младший ребёнок роняет свои вещи. Несколько старших смеются, один толкает его ногой. Взрослый замечает это не тогда, когда раздаётся громкий плач, а раньше — по лицу ребёнка, который пытается сделать вид, будто ничего не случилось. Он останавливает обиду, помогает собрать рассыпавшееся и говорит с виновными так, чтобы они поняли боль другого. Здесь важна не картинка безупречного детства. Важно, чтобы ребёнок знал: если ему страшно, он не останется один.

Такая среда не устраняет все конфликты. Она создаёт другой нравственный порядок: слабого не оставляют одного, сильному напоминают об ответственности, а справедливость не превращают в месть.

Раздельное обучение мальчиков и девочек

В устройстве будущего общества я предлагаю раздельное обучение и воспитательные группы мальчиков и девочек. Я не считаю этот порядок обязательным церковным предписанием или доказанно лучшим решением для любых условий.

История знает отдельные мужские и женские учебные заведения. В церковной жизни существуют мужские и женские монастыри со своим особым укладом. Но монастырская жизнь — добровольный путь духовного подвига, и её дисциплину нельзя механически переносить на детей. Исторические примеры лишь показывают, что раздельная организация жизни и обучения не является чем-то немыслимым.

Основание моего предложения — стремление создать спокойную воспитательную среду, в которой ребёнок сосредоточен на учёбе, дружбе, труде, развитии характера и овладении собой. В период взросления появляются новые чувства и влечения; взрослые должны помогать детям относиться к ним ответственно, без грубости и без преждевременного давления.

Раздельное обучение не означает изоляции полов. Мальчики и девочки живут в одном обществе, общаются в семьях, встречаются на общих событиях и учатся уважать друг друга. Недопустимо использовать разделение для утверждения, будто один пол умнее, чище или достойнее другого. Полноценное образование и человеческое уважение должны принадлежать всем.

Я не утверждаю, что разделение учебных групп само по себе сделает детей добродетельными. Без хороших родителей, учителей и нравственной атмосферы любая школьная организация останется внешней формой. Предлагаемый порядок — лишь один из элементов более широкой системы воспитания целомудрия, взаимного уважения и внутренней дисциплины.

Школа, знания и человеческое достоинство

Задача школы — не только передавать знания, но и помогать человеку понимать, для чего он ими пользуется. Можно научиться сложнейшему ремеслу и применять его во вред людям. Можно обладать выдающимся умом и презирать менее способных. Поэтому образование не должно отрываться от воспитания совести.

У детей разные дарования. Один легко постигает математику, другой любит музыку, третий умеет работать руками, четвёртый особенно чуток к людям. Различие способностей не означает различия человеческой ценности. Учитель должен помогать раскрывать способности, а не превращать оценки в меру достоинства личности. В соборном обществе выбор будущего дела не должен определяться ожидаемым заработком: денежного вознаграждения как меры человеческой ценности здесь нет.

Особенно опасно воспитывать презрение к обычному труду. Не каждый станет учёным или руководителем, но любой честный труд может быть служением ближним. Ребёнку необходимо видеть, что уважение не покупается должностью или богатством.

И учитель сам должен быть примером. Он обязан уметь признавать ошибку, не унижать слабого ученика, не поощрять насмешки и не использовать власть ради самолюбия. Школьные стены не сделают общество лучше, если внутри них воспроизводятся те же пороки, которые оно стремится преодолеть.

Помощь семье и забота о каждом ребёнке

Помощь семье — постоянная обязанность общего хозяйства. Она охватывает жильё, питание, одежду, лечение, образование, средства ухода, отдых и развитие ребёнка. Её мера определяется действительной нуждой семьи, а не местом человека в управлении и не количеством отработанных им часов.

Это не означает, что всякая вещь возникает по первому желанию. Общие ресурсы, время специалистов и труд людей ограничены; потому общество должно разумно планировать производство и распределение, различая нужду и прихоть. Но нехватка ресурсов не может служить оправданием привилегий руководителей или пренебрежения слабейшими.

Представим мать, всю ночь просидевшую у постели больного ребёнка. Утром ей не приходится думать, чем оплатить врача и где взять деньги на лекарства. Медицинская помощь уже организована как общее дело. Кто-то принесёт пищу, другой временно примет часть её обычных обязанностей, чтобы она могла отдохнуть. Здесь помощь не покупают и не выпрашивают как милость: люди несут бремя друг друга.

Когда ребёнку угрожают жестокость или пренебрежение, общественная ответственность означает и своевременную защиту. Но вмешательство должно служить благу ребёнка, а не произволу должностного лица. Забота семьи и забота общества призваны дополнять, а не уничтожать друг друга.

Когда родители хотят посвятить жизнь Богу

Особый вопрос возникает, когда отец и мать, имеющие детей, хотят посвятить дальнейшую жизнь Богу в монашестве. В обычном представлении такой выбор будто ставит их перед жестокой развилкой: или духовное стремление, или оставленные без попечения дети. В предлагаемом обществе мы ищем иной, ответственный путь, не называя желание взрослых достаточным основанием для разрыва семейных уз.

Соборное хозяйствование позволяет организовать не только общее материальное обеспечение, но и устойчивое воспитательное попечение. Детям могут быть предоставлены безопасное жильё, питание, одежда, лечение, обучение, занятия, игры, духовное наставление и постоянные воспитатели. Если это необходимо, предусматривается жизнь в небольших возрастных группах с вниманием к личным привязанностям и потребностям ребёнка, а не безликое массовое учреждение.

Родители при этом не отрекаются от детей. Их участие в общем труде, а при монашеском пути — послушание, также служит общему благу, в том числе обеспечению подрастающего поколения. Однако никакая хозяйственная схема не заменит ребёнку знания, что отец и мать его любят. Вопрос общения, сохранения связи и сопровождения должен решаться бережно, без обещаний, которые невозможно исполнить.

Представим ребёнка, которому взрослые объясняют предстоящую перемену. Для него важно не торжественное слово о высоком призвании, а простое: «Вы меня не бросаете?» На этот вопрос нельзя отвечать одной ссылкой на общее хозяйство. Нужно услышать его страх, учитывать возраст, состояние, привязанности, не заставлять изображать радость и не скрывать от него правду.

Я предлагаю такую возможность общественного попечения, но не считаю её установленным церковным разрешением родителям несовершеннолетних детей вступать в монашество. Вопрос пострига, семейных обязательств и церковного благословения остаётся в ведении Церкви. Если необходимые условия не соблюдены или ребёнку будет

нанесён тяжёлый вред, родители могут отложить свой замысел до его взросления.

В обществе любви не должно быть ни принуждения родителей отказаться от духовного стремления, ни принуждения ребёнка заплатить за это стремление одиночеством. Здесь прежде всего проверяется не удобство учреждения, а верность заповеди любви.

Связь поколений и итог воспитания

Ребёнок учится отношению к старости, наблюдая, как взрослые обращаются с бабушками и дедушками. Если немощного родственника считают помехой, никакие слова об уважении не заменят увиденного. Если же его терпеливо слушают, помогают ему и не лишают человеческого достоинства, ребёнок получает урок, который останется с ним на многие годы.

Но связь поколений не должна превращаться в обязанность терпеть насилие или несправедливость. Уважение к старшим совместимо с правдой, личными границами и защитой слабых. Подлинное почитание не требует отказа от совести.

Какого человека мы хотим воспитать? Не безошибочного, не всегда удобного и не того, кто умеет лишь подчиняться. Мы хотим, чтобы он мог видеть чужую боль, отвечать за собственные поступки, честно трудиться, признавать ошибки и свободно выбирать добро. Чтобы, получив силу, он не стал притеснять слабого; получив знания, не возгордился; получив свободу, не употребил её во зло.

Такое воспитание невозможно завершить одним школьным курсом. Оно продолжается всю жизнь. И всё же именно семья и детство дают человеку первые средства для этого пути. Общество будущего не возникнет из одного поколения идеально воспитанных детей. Но оно может постепенно расти там, где взрослые начинают исправлять собственную жизнь и помогают младшим стать лучше себя.

Возможно, когда-нибудь взрослый сын вспомнит не наставления, а вечер, когда отец всё-таки выслушал его. Дочь вспомнит, что после ошибки ей дали возможность сказать правду. А кто-то — руку учителя, протянутую в минуту унижения. Из таких воспоминаний не складывается гарантия добродетели. Но они дают человеку опыт любви, к которому можно обратиться даже спустя годы. И потому вопрос о будущем обществе начинается очень близко: каким будет сегодняшний вечер в нашем доме и что останется в сердце ребёнка после него?

Воспитание не гарантирует результата. Его направление определяется тем, как взрослые учатся любить тех, кто доверен их заботе, и передают им этот опыт.

Глава 8. Свобода, церковный суд и защита человека

Свобода и ответственность

Христианская свобода не сводится к возможности поступать по любому желанию. Человек свободно выбирает добро или зло и несёт ответственность за свои действия. При этом общество не может достоверно знать состояние его души по одному внешнему поступку.

Православная вера составляет духовное основание общественной жизни. Единство вероучения требует бережного отношения к церковному преданию. При этом необходимо различать сознательное причинение вреда людям, нарушение церковной дисциплины и несогласие в убеждениях: духовный суд не должен становиться поводом для произвола.

Почему так дорого церковное единство

Община единомышленников — ещё не вся полнота христианской жизни. Человек ищет не просто добрых соседей. Он стремится жить в Церкви Христовой, участвовать в её Таинствах и пребывать в общении с Богом. Земная Церковь не отделена от Небесной как чуждое ей учреждение: христианская надежда обращена к единству со Христом и Его святыми.

Вот почему церковное отлучение в древнем христианском сознании не могло быть мелкой административной неприятностью. Лишение евхаристического общения было тяжёлой духовной утратой. В словах Христа о связывании и разрешении (Мф. 18:18) Церковь видит основание серьёзности данного ей служения. Нельзя относиться к церковной дисциплине так, будто речь идёт только о человеческом списке участников.

И всё же необходимо различать временное недопущение к Причастию, иные формы церковного прещения и анафему. Их основания, порядок и последствия не тождественны. Нельзя также объявлять окончательный приговор о вечной участи конкретного человека: Божий суд не подменяется нашим предположением. Но духовная опасность разрыва церковного общения от этого не становится менее серьёзной.

Смысл покаяния — не просто отменить взыскание. Это возвращение человека к жизни, от которой он отступил. Апостол Павел, говоря о суровой мере церковного воздействия, указывает на цель: «чтобы дух был спасён в день Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 5:5). Церковная строгость, когда она применяется по правде, должна служить исправлению и спасению, а не наслаждению чужим падением.

Человек, пребывающий в Церкви, кающийся, приступающий к Таинствам и стремящийся исполнять заповеди, имеет не математическую гарантию спасения, а драгоценную надежду и благодатные средства духовной жизни. Утрата этого общения — беда, которую нельзя считать пустяком. Именно поэтому возвращение к покаянию так важно.

Согрешивший и покаяние

Человек, оступившийся однажды, не должен восприниматься как безнадёжный. Церковная епитимия служит исправлению и духовному врачеванию, а не удовлетворению чужой обиды. Плоды покаяния становятся видны во времени, но внешнее поведение не даёт права безошибочно объявлять человека лицемером.

Повторение сознательного нарушения после церковного увещевания и завершения епитимии ставит серьёзный вопрос о плодах покаяния и возможности вновь доверять человеку. При повторном проступке нельзя судить о тайнах души механически: обстоятельства, намерения и способность отвечать за свои поступки рассматриваются епископом.

Церковный суд и епископ

Церковное разбирательство должно проходить по канонам, без личной неприязни и поспешного осуждения. Суд рассматривает обстоятельства дела, а епископ в пределах своих полномочий проверяет решение и при необходимости назначает дополнительное рассмотрение.

Порядок подсудности, рассмотрения жалоб и пересмотра решений определяется церковным каноническим преданием. Не следует заменять его произвольно составленными правилами. Доверенная власть обязана защищать человека от ложных обвинений и собственных ошибок.

Новые злоупотребления потребуют компетентного соборного рассмотрения в соответствии с церковным преданием, а не заранее придуманного исчерпывающего перечня наказаний.

Защита пострадавшего

Любовь к согрешившему не означает бездействия перед лицом насилия, угроз или эксплуатации. Помощь пострадавшему, пресечение продолжающегося вреда и беспристрастное выяснение обстоятельств необходимы даже там, где люди стремятся жить по любви.

Защита человека не должна превращаться в месть. Любые меры ограничения должны опираться на справедливое разбирательство, соразмерность и уважение к человеческому достоинству.

Принудительное переселение за религиозные убеждения не следует представлять как самоочевидное следствие церковных канонов.

Возвращение и доверие

Желающему исправиться необходимо дать возможность обратиться за духовной помощью и пройти путь покаяния. Восстановление доверия может требовать времени, наставления и оценки поступков. Подобно тому как человек постепенно готовится к участию в церковной жизни, возвращение к полному общению не следует сводить к формальному заявлению.

Новое нарушение требует самостоятельного рассмотрения. Решение о церковной дисциплине и возвращении к общению принимается в соответствии с канонами и с учётом конкретного человека.

Дети и семья

Вина родителей не переходит на детей. Один супруг не отвечает автоматически за проступки другого. При рассмотрении дела необходимо сохранять это различие, а забота об образовании и духовном воспитании детей продолжается.

Глава 9. Безопасность и отношения с другими государствами

Единство Церкви и границы государств

Как уже говорилось, православные государства имеют собственные Поместные Архиерейские соборы и при этом принадлежат единой Вселенской Церкви. Государственные границы не создают отдельных вероучений.

Общие для всей Церкви вопросы и разногласия между Поместными Архиерейскими соборами относятся к общецерковному рассмотрению. В предполагаемом устройстве таким уровнем выступает Вселенский собор. Определение порядка его созыва и работы относится к ведению церковного епископата.

Отношения между православными государствами

Православные государства сохраняют самостоятельность в управлении хозяйством, обеспечении потребностей людей и решении местных вопросов. Эта самостоятельность не должна разрушать единства веры.

Взаимопомощь, обмен знаниями, совместная работа и мирное разрешение споров между православными государствами строятся на общей духовной основе. Вопросы транспорта, ресурсов, производства и иных практических отношений требуют согласования между соответствующими государственными органами.

Отношения с неправославными и светскими государствами

Под иными государствами здесь понимаются государства, не имеющие православного церковного устройства: страны с другими религиозными традициями, многоконфессиональные государства и светские государства. С ними православное общество взаимодействует в сфере дипломатии, путешествий, обмена знаниями, необходимых товаров и взаимной помощи.

Различие веры и государственного устройства не отменяет христианской обязанности относиться к людям с любовью и уважением. Внешние отношения не должны основываться на вражде к населению других стран. Договорённости, торговля и сотрудничество требуют честности, ответственности и защиты человеческой жизни.

Защита и миротворчество

Любовь к врагам не равнозначна равнодушию к нападению на беззащитных. В то же время защита не должна превращаться в оправдание мести или безграничного насилия. Конкретные меры

безопасности должны проверяться по нравственным основаниям и реальным последствиям.

Новые международные вызовы

Трансграничные цифровые преступления, новые средства связи и последствия природных бедствий могут потребовать согласованных действий разных государств. Общие духовные принципы должны направлять такие решения, а выбор способов сотрудничества требует знаний и ответственности тех, кому оно поручено.

Глава 10. Для чего живёт человек и зачем ему меняться?

До сих пор мы рассматривали, как духовная жизнь может проявляться в отношениях, труде и устройстве общества. Теперь вернёмся к её высшей цели и подробнее рассмотрим, зачем человеку меняться.

За стенами привычного мира

Представь, что вся твоя жизнь проходит за одними и теми же стенами. Ты знаешь, где получить пищу, где отдохнуть, чего опасаться. Всё привычно. А теперь представь животное, которое с рождения живёт в закрытом помещении и никогда не видело поля, не чувствовало свежего ветра, не стояло под открытым небом. Оно не знает, что существует иной простор. Не бывает ли и с человеком так: он настолько привыкает к своему маленькому кругу забот и удовольствий, что перестаёт спрашивать, есть ли за ним нечто большее?

Мы умеем строить города, исследовать звёзды, создавать удивительные машины, но нередко измеряем счастье лишь тем, что можно приобрести, попробовать, накопить или потерять. Нас занимает устройство земного жилища, хотя сам вопрос о том, ради чего мы живём, остаётся без ответа.

Это сравнение не означает, будто земля дурна или всё земное презренно. Мир создан Богом, и в нём немало красоты. Но даже вся красота мира не исчерпывает того, к чему призван человек. За пределами привычных желаний существует иной горизонт — жизнь с Богом. О ней мы знаем не по собственному опыту, а прежде всего из откровения, которое Церковь хранит и передаёт.

Утраченное единение

Книга Бытия рассказывает, как первые люди нарушили заповедь Божию. В этом событии было не только непослушание внешнему правилу. Человек предпочёл собственное решение доверию Творцу. Вместо того чтобы признать совершённое, Адам указал на жену, а Ева — на змея. Каждый назвал обстоятельство, но никто в тот миг не произнёс простого и необходимого: «Я виноват».

В «Посмертных вещаниях преподобного Нила Мироточивого» особенно подчёркивается ожидание Богом покаяния прародителей. Это духовное толкование помогает увидеть трагедию падения не только в нарушенной заповеди, но и в отказе человека открыть Богу своё виновное сердце.

Человек был создан для общения с Богом, а не для замкнутости на себе. Его воля не должна была исчезнуть: свободная человеческая воля

призвана добровольно согласоваться с волей Божией. Когда же собственное «я» становится высшим законом, свобода незаметно превращается в зависимость от гордости, желания и страха.

Можно представить эту утрату как оборванную связь. Образ условен: Бог не электричество, а человек не механизм. Но смысл его понятен. Человек, отвернувшийся от источника жизни, не перестаёт быть человеком; он теряет полноту общения, ради которого был создан. Вся история покаяния — история возвращения к этому общению.

Земная жизнь — время ответа

После изгнания из рая человеческая жизнь стала связана с трудом, скорбью и смертью. Однако видеть в ней только наказание — значит не заметить милосердия. Пока человек жив, перед ним открыт путь возвращения. Каждый день может стать днём покаяния, а обстоятельства жизни обнаруживают, что он любит и чему служит.

Бог не испытывает нас ради того, чтобы узнать неизвестное Ему. Он знает сердце человека. Но сам человек часто не знает себя. Ему кажется, что он честен, пока ему не представится удобный случай солгать; что он милосерден, пока помощь не потребует жертвы; что он смиренен, пока его не обидят. Тогда обнаруживается не выдуманный образ себя, а действительное состояние души.

Страшный суд остаётся судом Христовым. Никто из людей не вправе заранее объявлять другого окончательно погибшим. Но предупредить об опасности жизни без покаяния — значит не осудить человека, а отнестись серьёзно к его свободе и вечной участи. Евангелие говорит не только о милосердии, но и об ответственности.

Почему нельзя ждать

«Потом», — говорит себе человек. Потом попрошу прощения у того, кого обидел. Потом зайду в храм. Потом начну молиться. Сегодня много дел, а завтра, кажется, ещё будет время. Но завтрашний день никому не обещан.

Поэтому евангельское «бодрствуйте» обращено не только к людям далёкого прошлого. Оно обращено к каждому, кто читает эти строки. Не потому, что нужно жить в постоянной панике, а потому, что нельзя без конца переносить встречу с Богом на потом.

Начать сегодня — не значит сегодня же стать совершенным. Это значит перестать оправдывать своё бездействие и обратиться к Тому, Кто может помочь измениться. Христос сказал ученикам: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Человек прилагает усилие, но не спасает себя одной только силой характера.

Первый разговор

Что делать человеку, который много лет не молился или никогда не умел молиться? Возможно, он сидит вечером в тишине и впервые решается сказать: «Господи, я не знаю, как правильно говорить с Тобой. Мне стыдно за многое. Я не могу сам победить то, что во мне есть. Прости и помоги». И пусть он не почувствует ничего необыкновенного. Само это искреннее обращение уже не похоже на прежнее бегство от Бога.

Церковь хранит молитвы святых, и их слова — драгоценная школа духовной жизни. Но молитва не должна превращаться в механическое произнесение текста без внимания и сердца. Можно начать с десяти минут в день, если пока не получается больше. Дело не в магическом числе минут, а в живом обращении и постоянстве.

Постепенно человеку становится мало краткого разговора. Он начинает вспоминать о Боге среди обычных дел, просить помощи перед трудным решением, благодарить за добро, раскаиваться сразу после падения. Молитва перестаёт быть отдельным занятием и начинает пронизывать жизнь. Так открывается путь к непрестанной молитве — не мгновенное достижение, а направление духовного возрастания.

При этом искреннее личное обращение не отменяет церковной жизни, покаяния и участия в таинствах. Оно может стать первым шагом человека, который только возвращается.

От раба — к сыну

В начале пути человека нередко удерживает страх. Он боится последствий греха, Божия суда, вечной погибели. Этот страх может остановить его перед злом. Но нельзя считать его вершиной духовной жизни.

По мере духовного возрастания изменяется сам мотив поступков. Человек старается не грешить уже не только потому, что боится наказания. Ему становится больно причинять зло, потому что он начинает любить Бога и ближних. То, что прежде исполнялось с усилием и опасением, постепенно становится потребностью сердца.

Апостол Павел пишет: «Вы приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“» (Рим. 8:15). Апостол Иоанн говорит: «Совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18). В этих словах виден путь от рабского страха к сыновнему доверию. Человек не перестаёт благоговеть перед Богом; меняется характер его отношения — от ужаса наказания к любви, верности и благодарности.

Любовь не просто одна из добродетелей рядом с другими. «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13). Поэтому духовное возрастание нельзя измерять только количеством прочитанных молитв, строгостью поста или

внешней безупречностью. Его плод обнаруживается в том, насколько человек учится любить.

Но что значит учиться любить? Не только помогать тем, кто нам дорог, и не только прощать обиды. Любить человека — значит искренне желать ему высшего блага: спасения и жизни с Богом. Это относится ко всем без исключения, даже к тому, кто враждует с нами. Первомученик Стефан, когда его побивали камнями, молился: «Господи! не вмени им греха сего» (Деян. 7:60). Он желал своим гонителям не погибели, а милости Божией. Мученичество являет эту любовь особенно ясно, но она призвана определять всю повседневную жизнь: слова, решения, отношение к близким, незнакомым и противникам. В каждом человеке следует видеть того, кто ещё может обратиться к Богу. Поэтому даже противостоя злу и защищая пострадавшего, нельзя превращать заботу о ближнем в ненависть к виновному. Любовь стремится к спасению каждого, не принуждая к вере и не присваивая себе Божий суд.

Человек, призванный к обожению

Зачем человек меняется? Не только ради того, чтобы стать нравственнее и легче переносить скорби. Православное предание говорит об обожении: человек призван приобщиться Божественной жизни по благодати, не становясь Богом по существу. Апостол Пётр называет верующих «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1:4). Это не стирает различия между Творцом и творением, а раскрывает высоту человеческого призвания.

Уже на земле такое приобщение приносит плоды. Человек, прежде живший обидой, учится прощать. Тот, кто боялся потерять своё, впервые помогает без расчёта на благодарность. Вместо постоянного внутреннего спора с Богом он начинает доверять Ему. Не каждый день будет лёгким, но даже в скорби открывается возможность молитвы, мира и любви.

Поэтому следует усердно просить у Бога любви, смирения, милосердия, терпения, чистоты сердца и дара молитвы. Христос говорит: «Просите, и дано будет вам» (Мф. 7:7), а также обещает, что Отец Небесный даст Святого Духа просящим у Него (Лк. 11:13). Однако молитва не отменяет труда над собой: человек просит помощи и старается жить в согласии с тем, о чём молится.

Особые дарования — исцеление, пророчество, чудотворение — иной вопрос. Апостол Павел перечисляет их отдельно и спрашивает: «Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений?» (1 Кор. 12:29–30). Господь может являть Свою силу по молитвам людей, в том числе ради помощи ближнему и укрепления веры. О таких событиях повествуют жития и патерики. Но нельзя требовать необыкновенных способностей или считать их доказательством собственного спасения. Христос

предупреждает и о тех, кто ссылался на чудеса Его именем, но не исполнял воли Отца (Мф. 7:22–23).

Чистота сердца и дела веры

Когда апостол Пётр пошёл по воде навстречу Христу, он действительно шёл, пока страх и сомнение не охватили его. «Маловерный! зачем ты усомнился?» — спросил Господь (Мф. 14:31). Важно и то, что Пётр сначала услышал Христово «иди». Евангельский рассказ учит доверию Господу, но не приглашает человека испытывать Бога опасными поступками.

Можно увидеть здесь такую связь: нечистота сердца, страсти и угрызения совести могут рождать сомнения, ослаблять доверие Богу и мешать полноте веры. Поэтому путь к глубокой вере неотделим от покаяния и очищения сердца. Христос говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Чем чище сердце, тем больше человек стремится жить Божией волей, а не требовать осуществления собственной.

Можно предположить, что высота такой веры состоит в отсутствии внутреннего раздвоения: человек настолько доверяет Богу и согласует с Ним свою волю, что необыкновенные Божии дела уже не кажутся ему чуждыми. Для свидетеля это чудо; для верующего — действие Бога, к Которому он обращается. Это образ духовного единения, а не обещание, что любое действие обязательно совершится при достаточной психологической уверенности.

Не следует, однако, превращать сомнение в безошибочный диагноз «грязного сердца». Страх и сомнение могут возникать по разным причинам, и человек не вправе судить по ним о чужой душе. Также отсутствие исцеления или иного чуда не доказывает недостатка веры. «Когда просим чего по воле Его, Он слушает нас» (1 Ин. 5:14). Бог слышит молитву, но ответ не всегда совпадает с ожидаемым результатом.

Главная цель — не научиться ходить по воде, а научиться любить Бога. Если Господь сочтёт полезным совершить необыкновенное дело через человека, это будет Божий дар, а не его собственная власть. Чистота сердца нужна не для власти над миром, а для встречи с Богом.

Что мы унесём с собой

Ни имущество, ни должность, ни земная слава не перейдут вместе с нами за порог смерти. Но прожитая жизнь не исчезает бесследно. Добрые и злые дела имеют значение; ими человек свидетельствует о состоянии своего сердца. Христианская надежда связана не с бесконечным продолжением привычного земного быта, а с воскресением и жизнью будущего века.

Можно образно сказать, что добродетели становятся духовным богатством человека, а грех уродует его внутренний облик. Можно предположить и более наглядно: в будущей жизни внутреннее состояние человека может быть явлено в его преображённом облике. Но конкретные представления о цвете, сиянии или телесном выражении каждой отдельной добродетели не следует выдавать за установленное учение Церкви.

Важно не воображать подробности, которых мы не знаем, а услышать главный призыв: сегодня ещё можно измениться. Пока человек жив, он может признать ошибку, попросить прощения, начать молиться, исправить причинённое зло и сделать следующий шаг навстречу Богу.

Выбор, который нельзя поручить другому

Можно не верить в будущую жизнь. Можно отмахнуться от разговора о грехе и покаянии. Можно решить, что человеку достаточно земного благополучия. Бог не превращает любовь в принуждение. Но свобода выбора не отменяет ответственности за него.

Христианин не должен презирать человека, который отвергает веру. Он не знает, что совершится в чужом сердце завтра и в последний час. Он может предупредить, что упорное отвержение Бога и отказ от покаяния ведут к погибели, но не вправе присваивать себе окончательный приговор. Суд принадлежит Христу.

Первое обращение к Богу не требует предварительной безупречности. Человек может просить помощи именно потому, что видит свою немощь.

Возвращение к Богу начинается с правды о том, что лежит на сердце. Трудности могут не уйти сразу, но появляется направление: человек перестаёт прятаться и ищет помощи у Отца. Такая жизнь не замыкается в одиночестве; рядом с ближними она становится опытом любви.

Глава 11. От единомышленников к соборному обществу

Школа любви

В общежительном монастыре человеку порой труднее всего оказывается не вставать до рассвета и не исполнять назначенный труд. Труднее — жить рядом с братом, который делает всё не так, как хотелось бы. Один медлит, когда ты торопишься. Другой говорит резко, когда ты устал. Третий не замечает, сколько сил потребовалось для общего дела. И вот обнаруживается то, что легко не заметить в одиночестве: собственная раздражительность, обидчивость, желание непременно настоять на своём.

К подвижникам приходили люди, желавшие научиться иной жизни; не все приходившие уже обладали духовной зрелостью. В монашеской традиции общежитие нередко становилось первоначальной школой послушания и братолюбия. Не потому, что уединённая молитва менее ценна. Путь отшельника требует особой духовной зрелости и рассуждения. Но совместная жизнь ежедневно даёт человеку возможность увидеть себя без прикрас и научиться терпеть, прощать, уступать, помогать. Она обнаруживает болезнь самолюбия и одновременно предлагает трудное, но целительное упражнение — жить не только для себя.

Этот опыт нельзя просто перенести из монастыря в государство. Миряне не дают монашеских обетов; супруги, родители, дети и одинокие люди несут разные обязанности. И всё же нравственный смысл общежития не ограничен монастырской оградой. Человек учится любить не в отвлечённых рассуждениях, а рядом с другим человеком. Почему же совместная жизнь целого общества не могла бы помогать ему в этом?

Не государство вместо совести

Можно построить удобные дома, наладить снабжение, открыть больницы, устроить разумное распределение труда — и при этом оставить людей чужими друг другу. Исправная хозяйственная система сама по себе ещё не является христианским обществом. Она может облегчить жизнь, но не научит прощать. Закон способен пресечь насилие, но не вложит любовь в сердце.

В совместной жизни христианская любовь получает общественное выражение: люди вместе устраивают труд, воспитание, помощь и управление, чтобы никого не оставлять наедине с нуждой и облегчать друг другу путь спасения.

Такое государство не совершает спасения за человека. Оно не может вместо него покаяться, молиться, примириться с обидчиком или

приобрести благодать. Спасение — дело Божие, требующее свободного ответа человека. Но общество может перестать отнимать у человека почти все силы борьбой за хлеб, жильё и лечение. Общая забота призвана освобождать человеку время и силы для молитвы, семьи, труда как служения и дел милосердия.

И здесь важно не спутать заботу с распоряжением чужой жизнью. Одному нужна постоянная помощь: он болен, немощен или одинок. Другой предпочитает сам вести дом и принимать лишь необходимое. Третий, получив духовное благословение, пожелает уединиться, построить простую хижину и просить только редкой доставки пищи или одежды. Общество не должно заставлять всех жить одинаково. Полнота предлагаемой помощи сочетается со свободой человека принять её целиком, отчасти или, насколько позволяют обстоятельства, отказаться от неё.

И если кто-то предпочёл сам ухаживать за больным отцом, приготовить ужин детям или помочь соседу, государство не должно отнимать у него эти дела под предлогом, что всё уже организовано. Любовь не делегируется учреждению раз и навсегда. Учреждение лишь помогает людям не быть раздавленными нуждой и находить силы любить.

Не ждать совершенных людей

Но где взять людей для такого общества? Если ждать, пока каждый станет святым, общины не возникнут никогда. Человек, который только вчера понял, сколько в нём самолюбия, уже сегодня может начать исправляться. Он ещё раздражается, ещё ошибается, ещё просит прощения. И всё же его решение жить иначе не становится от этого ложным.

В одном городе человек читает Евангелие и решает изменить свою жизнь. В другом — семья начинает иначе строить отношения. В небольшом посёлке кто-то отказывается от привычного обмана, хотя от этого теряет выгоду. Они могут никогда не встретиться, но уже движутся в одном направлении.

Со временем люди с общей целью способны объединяться. Например, двое коллег замечают, что обоим стало тяжело участвовать в разговорах, где за спиной осуждают других. После работы они задерживаются у дверей и впервые говорят не о чужих недостатках, а о собственных. Через неделю встречаются снова — почитать Евангелие и поддержать друг друга. Никакого торжественного основания общины не было, но её начало уже положено. Эти люди ещё не достигли святости; общность нужна им как поддержка в духовном труде.

Такое объединение начинается с идеи, но не может держаться на одном согласии с красивыми словами. Общая идея — жить по

Евангелию — должна постепенно становиться общей жизнью. Именно дела показывают, действительно ли человек выбрал этот путь.

Возможно, сначала они и не назовут себя единомышленниками. Они просто узнают друг в друге людей, которые стремятся жить по Евангелию. У них разные характеры и опыт, они не одинаково понимают хозяйственные вопросы, а иногда спорят. Их единство не в отсутствии разногласий. Оно в готовности искать правду, признавать ошибку и не переставать видеть в другом ближнего.

Христианин призван свидетельствовать о своей вере. Сегодня Евангелие доступно многим, но доступность текста не означает готовности изменить жизнь. Иногда человека заставляет задуматься не новая проповедь, а встреча с тем, кто действительно старается жить иначе. Кто-то поделится книгой, которая помогла ему увидеть забытый смысл евангельских заповедей. Кто-то расскажет о собственном пути без самодовольства. Кто-то не скажет почти ничего, но придёт на помощь тогда, когда все остальные отвернулись. Это разные проявления одного стремления — пожелать ближнему добра и спасения во Христе.

Книга может стать одним из свидетельств, но согласие с человеческими предположениями об устройстве общества не является мерилом веры.

От взаимопомощи к общине

Когда отдельные добрые дела становятся постоянным совместным трудом, возникает новая возможность. Люди могут договориться помогать больным, поддерживать семьи, заботиться о детях, распределять необходимые обязанности и делиться результатами труда. То, что одному человеку не под силу, оказывается посильным многим.

Но община — не просто склад общих вещей и не список участников. Если её соединяет лишь хозяйственная выгода, при первом серьёзном испытании единство может разрушиться. В общине, которая стремится быть христианской, человек не превращается в средство производства и не теряет достоинства из-за слабости. Тот, кто сегодня не способен трудиться, остаётся столь же дорогим ближним, как сильный и здоровый.

Совместная жизнь сама будет испытывать людей. Кто-то сочтёт распределение несправедливым. Кто-то устанет от чужой неблагодарности. Кто-то захочет, чтобы его заслуги заметили. Эти трудности не опровергают замысел: они напоминают, что общество строят не бесплотные ангелы, а люди, которым ещё предстоит учиться любви. О трудностях распределения помощи мы уже говорили на примере первых христианских общин.

Нельзя требовать от человека внешнего согласия ценой подавления совести. Нельзя прикрывать словом «послушание» произвол начальника, а словом «любовь» — безответственность. Если люди

действительно желают друг другу спасения, им придётся научиться не только отдавать, но и выслушивать, исправлять ошибки, ограничивать собственную власть. В противном случае община рискует сохранить христианское название и потерять христианский смысл.

Соборность как служение

Общин может стать несколько, затем десятки. Они будут жить в разных местах, обладать разными возможностями, нуждаться друг в друге. Одна сможет помогать больным, другая — производить необходимые вещи, третья — принимать семьи, которым требуется поддержка. Постепенно сотрудничество может выйти за пределы одной местности.

При объединении общин обнаруживаются способности к руководству: умение организовать труд, примирять спорящих, видеть последствия решений на годы вперёд. Важно, чтобы эти способности служили общему делу.

По мере развития объединения может возникнуть необходимость в земском соборе — собрании представителей общин и людей, которым доверено обсуждать гражданское устройство, хозяйство, обеспечение потребностей и выбор управленцев. Участие священников и архиереев в таком обсуждении возможно и может быть полезным, но гражданское сотрудничество верующих не должно зависеть от обязательного участия каждого церковного чина.

При этом границу следует обозначить ясно. Земское собрание не устанавливает вероучение, не меняет церковные каноны, не распоряжается таинствами и не заменяет церковную иерархию. Оно решает земные вопросы, которые требуют опыта, ответственности и согласованного труда. Если возникнут серьёзные богословские или канонические возражения, их необходимо добросовестно выслушать и проверить, а обнаруженные ошибки — исправить. Нельзя заранее объявлять всякое своё решение безошибочным только потому, что его участники говорят о любви.

Общие принципы соборного избрания руководителей мы уже рассмотрели. Но они ещё не составляют готового порядка перехода от отдельных общин к государству: конкретные полномочия собраний и способы их взаимодействия требуют дальнейшего обсуждения и проверки. Общество, если оно возникнет, будет складываться из свободных решений живых людей, а не из заранее написанного безошибочного чертежа.

Свобода для духовной жизни

Представим человека, который прежде возвращался с работы поздно вечером, думая лишь о долгах, завтрашних покупках и страхе

потерять доход. Он был настолько измотан, что раздражался на домашних и не находил времени даже выслушать ребёнка. Теперь общая хозяйственная жизнь снимает с него необходимость постоянно бороться за самое необходимое. Его труд остаётся нужен, но становится посильным служением; обеспечение семьи не зависит от его способности обогнать других в борьбе за средства.

Что он сделает с освободившимся временем? Государство не сможет ответить вместо него. Он может посвятить его молитве и ближним, а может снова искать развлечений и новых поводов для самолюбия. Потому устройство общества не отменяет главного вопроса человеческой жизни: чему ты отдаёшь своё сердце?

В этом и заключается отличие предлагаемого будущего от обещания земного рая. Мы не утверждаем, что исчезнут искушения, страсти и человеческие ошибки. Мы говорим лишь о возможности создать такую общественную среду, где стремление к добру не будет ежедневно подавляться нуждой и равнодушием, а совместная жизнь станет школой терпения, ответственности и любви.

В совместной жизни человек учится принимать чужие немощи и позволять другим помогать себе. Забота общества о каждом и служение каждого другим — две стороны этой жизни.

Если ничего не получится

Но что, если рядом не найдётся единомышленников? Если попытка объединения не удастся, если люди разойдутся, а задуманное государство так и не появится?

Тогда остаётся то, ради чего всё начиналось. Человек, который научился прощать, не напрасно прощал. Тот, кто помог больному, не напрасно помогал. Тот, кто старался свидетельствовать о Христе и сам исправлять свою жизнь, не лишился смысла своего труда из-за отсутствия земного результата. Возможно, его пример увидят дети, соседи или незнакомый человек спустя многие годы. Возможно, никто не узнает о нём. Но ценность христианской жизни не определяется числом последователей и величиной созданного государства.

Неудача объединения не должна превращаться в ожесточение против тех, кто не разделил наших надежд. Любовь, свидетельство, помощь и молитва сохраняют смысл и тогда, когда ближний свободно выбирает иной путь.

Христианская надежда обращена к воскресению мёртвых и встрече со Христом. Поэтому труд любви нельзя оценивать только тем, успели ли мы увидеть его плоды при жизни.

Большое общество, если оно возникнет, может начаться с маленькой общины. Но рост числа участников ещё не создаёт устойчивого государственного управления. Переход к нему потребует особой ответственности.

Глава 12. Переходный период: ошибки, испытания и исправления

Нельзя изменить общество одним указом

Будущее общество не возникает в тот день, когда провозглашены его принципы. Можно изменить название государства, принять новые законы, назначить новых руководителей, но невозможно одним решением сделать людей любящими, добросовестными и свободными от страстей. Нравственное преображение не совершается по приказу. Оно начинается в человеческом сердце и продолжается в семье, труде, общине, во всех отношениях между людьми.

Поэтому путь от светского государственного устройства к предлагаемой православной соборной теократии нельзя представлять как мгновенный переход. Прежде чем новое устройство сможет действовать, должны возникнуть условия для его существования. Нужны люди, готовые принимать ответственность, нужны способы согласованного управления, нужны учреждения, которые служат человеку, а не сами себе. И прежде всего необходимо, чтобы стремление жить по Евангелию не оставалось лишь словами.

Как именно в будущем сложатся исторические обстоятельства, при которых возникнет возможность такого перехода, неизвестно. Здесь не предлагается ни сценарий смены существующей власти, ни способ политической борьбы. Речь идёт о принципах устройства общества, если оно свободно и осознанно примет направление такого преобразования.

Краткое царское служение

Для первоначального этапа предлагается переходная православная монархия. Её смысл не в восстановлении династии, не в наследовании престола и не в создании нового привилегированного сословия. В начале преобразований необходим единый центр принятия решений и личной ответственности. Предполагается, что это позволит согласовать первые действия, уменьшить опасность распрей и соперничества различных органов власти. Однако никакая централизация сама по себе не устраняет человеческих страстей и не даёт гарантии общественного мира.

Правитель, принимающий такое служение, должен быть православным христианином и видеть в народе не подданных как средство собственной славы, а людей, за которых он несёт ответственность. Образ отношений отца и большой семьи помогает выразить нравственный смысл этой ответственности: отец заботится не о своём величии, но о каждом, особенно о слабом, больном и оставленном без помощи. Народ отвечает не раболепием, а любовью, доверием, деятельным содействием и послушанием в том, что не

противоречит совести и вере. Взаимность здесь необходима: нельзя требовать любви к себе, пренебрегая теми, кому призван служить.

Царское помазание в православном понимании связано с молитвой Церкви о благодатной помощи правителю в его служении. Но благодать нельзя превращать в утверждение, будто любое его решение непогрешимо или автоматически выражает волю Божию. Царь остаётся человеком, которому необходимы молитва, совет, покаяние и исправление. Подлинное служение проверяется не одним лишь торжественным началом, а плодами жизни и отношением к людям.

Самое существенное заключается в кратковременности этой монархии. Первая задача царя — установить предусмотренную новым устройством верховную власть Архиерейского собора над собой. С момента вступления такого порядка в силу единоличная царская власть прекращается. Следовательно, царь не должен оставаться монархом на всё время государственных преобразований. Его собственно царское служение может быть очень коротким. Оно завершается не тогда, когда окончены все реформы, а тогда, когда создано соборное верховенство.

Собор и правитель: различие служений

Разделение служений, о котором мы говорили в главе об управлении, сохраняется и при переходе: правительство отвечает за повседневные дела, а Собор — за духовно-нравственное направление и оценку государственного служения.

Это новый предполагаемый общественный регламент, а не утверждение, будто в истории Церкви уже существовала полностью такая система государственных полномочий. В нём благословение Собора становится необходимым условием законного занятия высшей правительственной должности. Юридический порядок назначения, отчётности и прекращения полномочий должен быть установлен самим будущим устройством, не смешивая церковное благословение с повседневным администрированием.

Когда верховенство Собора установлено, бывший царь может быть благословлён и назначен главой правительства. Тогда он продолжит начатые преобразования, но уже не как монарх, а как ответственный руководитель, подотчётный Собору. Если же Собор сочтёт необходимым назначить другого человека, сама государственная работа не должна остановиться. В этом и состоит важнейший смысл перехода: преемственность дела сохраняется, а личная власть перестаёт быть незаменимой.

Позднее, когда сложатся все необходимые институты, Собор сможет определять дальнейших руководителей в соответствии с общими принципами соборного избрания. Так государство постепенно приобретёт устойчивость, основанную не на одной личности, а на служении многих людей общей цели.

Власть как ответственность, а не награда

Властолюбие — стремление возвыситься над другими, распоряжаться чужими судьбами ради себя, получить славу, преимущества или богатство — можно назвать бесовским делом. Оно противоположно христианской любви. Но оно не тождественно готовности принять тяжёлую обязанность руководить, если к этому призывают ради общего блага.

Человек, принимающий управление государством, не получает право устраивать благополучие своей семьи за счёт народа. Его дети не наследуют ни государственную должность, ни особые материальные преимущества. Его служение не является семейной собственностью. Напротив, он должен создавать такую систему, в которой достойный преемник сможет продолжить дело без потрясений.

Ответственность за команду остаётся на правителе. Если он постоянно выбирает неспособных людей, игнорирует предупреждения и не исправляет очевидные недостатки, это свидетельствует о качестве его собственного управления.

Любовь проявляется не только в принятии власти. Иногда её высшее проявление — добровольно отказаться от должности. Если человек состарился, тяжело заболел, утратил силы или убедился, что не способен наладить дело даже с помощью советников, ему не следует держаться за своё положение. Служение не должно становиться пленом собственного самолюбия.

Испытания неизбежны, равнодушие недопустимо

Переходный период не может быть одинаковым во всех странах. Одно государство может обладать устойчивым хозяйством, образованными специалистами и работающими учреждениями. Другое может встретить преобразования после разрухи, бедности, взаимного недоверия и разрушенных общественных связей. Одинаковые решения в таких условиях дадут разные последствия. Поэтому судить о ходе реформ по одному внешнему признаку было бы несправедливо.

Даже необходимые изменения способны временно нарушить привычные связи. Люди не сразу освоят новые обязанности; учреждения могут вступать в противоречие друг с другом; хорошие намерения иногда приводят к неожиданным последствиям. Это не повод объявлять всякую реформу провалом. Но и обещание будущего блага не даёт права безразлично смотреть на настоящее страдание.

Если возникают нехватка продовольствия, перебои в обеспечении, угроза жизни или оставление без помощи наиболее уязвимых людей, первейшая обязанность власти — защитить их. Нельзя оправдывать голод тем, что новая система ещё не завершена. Нужно немедленно искать средства помощи, менять порядок действий, привлекать

компетентных людей и, если необходимо, приостанавливать отдельные преобразования. Не скорость построения нового государства является мерой любви, а забота о живом человеке на каждом шаге.

Здесь необходимо различать терпение и бездействие. Терпение позволяет не разрушать нужное дело из-за первых трудностей. Бездействие же прикрывает словами о временных испытаниях ошибки, которые уже можно исправить. Государство, заявляющее своей целью духовное благо людей, не вправе забывать об их насущных нуждах.

Как исправляются ошибки

Ни один общественный механизм не следует объявлять совершенным заранее. Если обнаруживается, что порядок назначения руководителей, организация труда, распределение обязанностей или взаимодействие учреждений не достигают своей цели, этот порядок должен быть пересмотрен. Неизменными остаются нравственные основания; способы их общественного воплощения подлежат проверке и исправлению.

Ошибка отдельного исполнителя требует одного решения, ошибка организации — другого, а неверно устроенный институт — третьего. Иногда достаточно заменить человека. Иногда нужно изменить правила. Иногда требуется признать, что весь предложенный механизм оказался нежизнеспособным. Признание ошибки не унижает правителя. Гораздо опаснее продолжать ошибочное дело только потому, что решение было принято им самим.

Собор наблюдает за общим направлением и результатами служения правителя, получает сведения о положении людей и может давать советы. При этом он не должен подменять специалистов в оценке сложных технических вопросов. Нужны добросовестные свидетельства, независимая проверка последствий, возможность услышать пострадавших и объяснения ответственных лиц. Иначе даже благой надзор превратится в суд по слухам.

Если трудности вызваны временной перестройкой и власть разумно действует для их преодоления, преждевременное отстранение руководителя способно лишь усилить неустойчивость. Если же правитель и его команда устойчиво не справляются, не способны исправлять вредные решения или перестали исполнять обязанности, Собор в предусмотренном регламентом порядке вправе прекратить его полномочия и благословить другого. Такое решение должно быть направлено на защиту народа и непрерывность служения, а не на борьбу за влияние.

Особый случай — сознательное отступление правителя от православного вероучения или использование власти против тех нравственных оснований, ради которых она была ему доверена. Это требует отдельного церковного рассмотрения. Нельзя, однако,

смешивать церковное прещение, в том числе анафему, с обычной административной отставкой: неудача в хозяйственном решении сама по себе не является ересью.

Доверие, которое не отменяет совести

Предлагаемое устройство опирается на доверие. Без доверия между правителем и народом, между Собором и правительством невозможно долговременное общее дело. Но доверие не равно молчанию перед несправедливостью. Любящий сын может сказать отцу правду; любящий отец обязан выслушать её. Тем более человек, облечённый государственной властью, не должен считать любое замечание бунтом.

Послушание имеет нравственный смысл, когда оно не требует участия во зле. Взаимная любовь исключает как самоуправство правителя, так и презрение к человеку, который задаёт неудобный вопрос. В переходном обществе особенно важно сохранить возможность мирного исправления ошибок, обращения за защитой и открытого свидетельства о бедствиях. Иначе правитель будет видеть лишь ту картину, которую ему пожелают показать приближённые.

Духовная цель нового общества не может служить оправданием принуждения к вере. Человек не становится христианином от одного государственного решения. Поэтому рост доверия и нравственного согласия нельзя измерять только внешним подчинением. Путь к единству предполагает свободное обращение человека к добру, а не уничтожение его совести.

Когда переход можно считать состоявшимся

Первый рубеж перехода наступает с установлением верховенства Архиерейского собора и прекращением самостоятельной царской власти. Но это ещё не означает, что государство полностью преобразовано. Впереди может оставаться длительный труд: подготовка руководителей, согласование учреждений, исправление хозяйственных недостатков, укрепление заботы о слабых и выработка устойчивых способов решения споров.

Готовность этих институтов определяет Архиерейский собор. Однако такая оценка не должна сводиться к формальному отчёту о количестве принятых правил. Важно, действуют ли они на практике, способны ли исправлять ошибки, защищают ли человека и сохраняют ли преемственность управления при смене руководителя. Нужны реальные плоды, а не торжественное объявление о завершении строительства.

Даже после этого общество не станет безошибочным. Любое земное устройство остаётся делом людей, которым свойственны слабость, незнание и искушения. Поэтому способность признавать и

исправлять ошибки должна стать постоянным свойством государства, а не временной мерой на годы преобразований.

Именно здесь раскрывается главный смысл переходного периода. Его задача — не привести людей к новому названию власти, а научить общество жить так, чтобы власть действительно служила любви. Если ради построения государства забывают о конкретном человеке, теряется сама цель. Если же каждый шаг проверяется заботой о ближнем, даже трудный и долгий путь не превращается в оправдание равнодушия. Государство может быть построено лишь настолько правильно, насколько люди, созидающие его, готовы отказаться от собственной выгоды ради другого.

Глава 13. Свобода человека перед Богом и начало суда

Согласие и выбор

Ты можешь представить себе общество, в котором люди не ищут выгоды друг от друга, не строят своего благополучия на чужой нужде, не отворачиваются от слабого. Общество, где человек служит ближним ради Бога, а ближние с той же готовностью заботятся о нём. Ты можешь даже согласиться, что такая жизнь прекрасна. Но согласие ещё ничего не говорит о том, как ты сам живёшь.

И вот здесь возникает вопрос, которого невозможно избежать, просто закрыв книгу: а ты сам готов жить так? Не требовать любви от других, а любить; не ждать чужого исправления, а начать со своего; не оправдывать привычный грех, а признать его грехом и вступить с ним в борьбу?

Это не экзамен на согласие с предлагаемым устройством государства. Можно сомневаться в его осуществимости, спорить о хозяйстве и власти, не принимать отдельные решения. Не эти разногласия определяют отношение человека ко Христу. Но когда перед человеком вновь открываются сами евангельские заповеди, вопрос становится глубже любого спора о будущем обществе. Что он выбирает для собственной жизни?

Суд совести

Мы привыкли представлять суд как событие, которое наступает после совершённого поступка. Люди собирают свидетельства, устанавливают обстоятельства, выслушивают обвинение и защиту. Судья узнаёт о человеке то, чего прежде мог не знать, и выносит решение. Но Бог не нуждается в расследовании. Ему не требуется, чтобы кто-то сообщил Ему тайное движение нашего сердца. Поэтому, размышляя о Божием суде, нельзя просто перенести на него устройство человеческого суда.

О начале суда уже здесь мы говорим в смысле суда совести: человеку открывается правда о нём самом. Совесть ставит его перед этой правдой. Человек знает, как должен поступить, и видит, как поступает на самом деле. Он может спорить с другими, искать оправдания, обвинять обстоятельства, но от собственного сердца ему не так легко скрыться. Иногда достаточно одного честного вопроса, чтобы привычная жизнь предстала в ином свете: кому служили мои силы, на что ушли мои годы, кого согрела моя любовь, кого ранило моё равнодушие?

Не книга судит читателя. И не другой человек получает право объявить его спасённым или погибшим. Перед лицом Божией истины

сам человек начинает узнавать себя. Он может отвернуться от увиденного или признать его. Может сказать себе: «Я не хочу менять ничего», — а может, пусть со страхом и стыдом, сказать Богу: «Я жил не так. Помоги мне начать иначе».

Это первый рубеж: внутреннее самоопределение. Не мгновенное достижение святости, не безошибочная жизнь, а направление воли. Человек склоняется либо к покаянию и исполнению заповедей, либо к сознательному сохранению того, что сам признаёт грехом. В этом выборе он уже свидетельствует о себе. Однако он не произносит окончательного приговора собственной душе: человек способен измениться, и Господь знает сердце глубже, чем знает его сам человек.

Решение проверяется делами

Но и этого рубежа недостаточно. Можно восхищаться Евангелием, говорить о любви, сожалеть о жестокости мира — и не сделать ни одного шага навстречу тому, кто нуждается в нас. Можно признать неправоту, но продолжать её оправдывать. Можно обещать примирение и годами хранить обиду. Внутреннее решение проверяется жизнью. Апостол Иаков говорит: «Вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Эти слова обращены не только к тем, кто открыто отрицает Бога. Они касаются и того, кто называет себя верующим, но оставляет веру без действия.

Так открывается второй рубеж суда, продолжающегося в земной жизни: наши дела становятся свидетельством нашего выбора. Не красивое объяснение о том, какими мы хотели бы быть, а то, как мы обходимся с человеком, который оказался рядом. Не обещанная когда-нибудь щедрость, а помощь, которую можно было оказать сегодня. Не слова о прощении вообще, а готовность отказаться от собственной мести. И наоборот: сознательно повторяемая жестокость, обман, презрение и отказ от покаяния тоже свидетельствуют о направлении сердца.

Дела не делают человека безгрешным и не превращаются в арифметику заслуг. Один поступок не позволяет нам узнать всю судьбу души. Есть немощь, страх, привычка, долгие годы борьбы со страстями; есть падение, после которого человек с сокрушением поднимается. Но существует и иное состояние: когда человек уже не желает бороться, называет зло нормой и заранее освобождает себя от необходимости каяться. Между падением борющегося и спокойным согласием жить во грехе лежит глубокая духовная разница.

Поэтому вопрос «На чьей ты стороне?» не требует от человека ответа о его безгрешности. Безгрешным он себя назвать не может. Вопрос иной: против чего ты намерен бороться и чему намерен служить? Когда совесть обличает тебя, стараешься ли ты заглушить её или принимаешь обличение как возможность вернуться к Богу? Если снова упал, ищешь ли оправдания падению или просишь сил встать?

Особенно страшно не то, что человек обнаруживает в себе грех. Страшно, когда он перестаёт видеть в нём беду. Пока сердце болит о содеянном, пока человек способен попросить прощения и желает исправления, он ещё не отказался от борьбы. Покаяние не сводится к произнесённым словам или видимым слезам: его подлинность обнаруживается в обращении сердца и в последующих поступках. Можно плакать и ничего не менять; можно с трудом произнести короткую молитву, но впервые отказаться от зла, которое прежде казалось неизбежным.

Знание и ответственность

Узнавшему больше открывается и большая ответственность. Господь говорит: «От всякого, кому дано много, много и потребуется» (Лк. 12:48). Нельзя мерить одной мерой младенца, ещё не способного понимать собственные поступки, и человека, прожившего долгую жизнь, слышавшего слово Божие, понимавшего его и сознательно отвергавшего. Бог видит не только внешнее действие, но и то, что человеку было открыто, что он мог понять, какие силы и возможности имел. Чем яснее мы знаем добро, тем труднее прикрываться незнанием, когда добровольно выбираем противоположное.

Именно поэтому встреча с истиной — не безобидное приобретение сведений. Можно прочитать множество книг, выучить правильные слова, научиться объяснять другим, что такое любовь, и при этом не захотеть любить. Знание само по себе не преображает. Оно ставит вопрос об ответственности: что ты сделал с тем, что узнал? Если свет показал тебе рану, станешь ли ты лечить её или предпочтёшь жить так, будто ничего не увидел?

Однако эта книга не является последней возможностью для человека. Кто-то отложит её и вернётся к сказанному через много лет. Кто-то придёт к покаянию после совсем другой встречи, скорби, радости или прочитанной книги. Важно не то, кому принадлежали слова, впервые заставившие его задуматься. Важно, чтобы человек действительно обратился к Богу. Пока длится земная жизнь, призыв к покаянию не превращается в закрытую дверь.

Земное время не бесконечно: завершившийся день нельзя прожить заново и совершить в нём упущенное добро.

Оттого страх Божий — не призыв к безнадёжности. Он пробуждает человека от беспечности. Страшно не потому, что Господь ищет повода погубить нас, а потому, что наша жизнь имеет вечное значение, а мы так часто обращаемся с нею как с чем-то незначительным. Страх может остановить на краю пропасти. Но он не должен стать последним словом. Человек обращается к Богу не только из страха наказания, но и с надеждой на Его милость, желая научиться любви.

Окончательный суд принадлежит Христу

В православном богослужении Церковь молится о «добро́м ответе на Страшнем судищи Христове». Эта просьба обращена не к далёкой отвлечённой будущности. Мы произносим её теперь, когда ещё можем изменить свою жизнь. Просим милости не потому, что уже накопили достаточно добрых дел и обеспечили себе оправдание. Просим потому, что нуждаемся в Спасителе, в прощении, в очищении сердца. Последнее слово о человеке принадлежит не его самооценке и не мнению окружающих, а Господу Иисусу Христу.

Вот почему начало суда здесь и сейчас не отменяет Страшного суда и не подменяет его. Сегодня совесть обличает, сегодня выбор совершается, сегодня дела свидетельствуют. Но окончательное решение не в наших руках. Мы не вправе объявлять кого-либо окончательно осуждённым — даже того, чья жизнь кажется нам безнадёжной. Не вправе и самодовольно считать собственное спасение уже обеспеченным. Мы призваны бодрствовать, каяться, делать добро и просить у Бога доброго ответа.

Образ будущего общества не должен становиться поводом судить окружающих и требовать, чтобы они соответствовали нашему идеалу. Он обращает к собственному участию в общем служении: нельзя требовать любви к себе, оставляя за собой право никого не любить.

Принадлежность к предполагаемому государству не является мерилом спасения. Церковь Христова не возникает из страниц этой книги и не ограничивается предлагаемым устройством. Здесь важно, увидит ли человек в разговоре о любви вопрос о собственной жизни.

Жития святых показывают разные пути: позднее покаяние, многолетнюю борьбу со страстью, тихое служение ближним. В чужом опыте можно найти поддержку, но чужая святость не заменит собственного ответа.

Внутренний выбор и дела неотделимы: поступки обнаруживают то направление, которое человек придаёт своей жизни. Суд совести может стать началом изменения, но окончательный ответ о человеке остаётся за Христом.

Глава 14. Будущее начинается с тебя

Когда человек закрывает последнюю страницу этой книги, вокруг него, возможно, не изменится ничего. За окном останется тот же город, дома будут ждать прежние заботы, на работе — прежние обязанности. Не появится новое государство, не исчезнут болезни, бедность, несправедливость и человеческая жестокость. Но может измениться самое важное: то, как человек увидит собственную жизнь.

Мы долго говорили о возможном обществе, в котором люди стремятся жить по Евангелию. Но было бы ошибкой закончить разговор мечтой о будущем устройстве мира. Такое общество может возникнуть не скоро, а может и не возникнуть вовсе. Кто-то из читателей не доживёт до его появления. Однако Евангелие обращено к каждому уже сегодня. Оно не предлагает ждать лучших времён, чтобы начать любить.

Представим человека, который прожил большую часть жизни в обмане, насилии и презрении к окружающим. Он оказался в тюрьме. Прежде он считал силу правом, хитрость достоинством, а чужую боль — слабостью. Теперь он смотрит назад и видит не только годы заключения, но и лица тех, кому причинил зло. И впервые жалеет не о том, что был пойман, а о том, что совершил. Это начало пробуждения совести.

Но не нужно оказаться за решёткой, чтобы увидеть собственное пленение. Можно быть богатым и свободно путешествовать, распоряжаться огромным состоянием, менять дома и машины — и не знать мира в душе. Очередное приобретение приносит короткую радость, затем хочется нового. Страсть невозможно насытить. Она требует всё большего и, если человек не противится ей, постепенно учит считать её требования смыслом жизни.

Кто-то сделал своим сокровищем богатство, кто-то — власть, славу, признание, должность. Кто-то связал весь смысл существования с обладанием другим человеком. Потеря такого земного сокровища может переживаться как потеря самой жизни. Страсть сначала шепчет: «Без этого я не буду счастлив», а затем: «Без этого я не могу жить». Отсюда могут вырасти отчаяние, разрушительные поступки и опасное убеждение, будто надежды больше нет. Но никакая земная потеря не отменяет ценности человеческой жизни и возможности обратиться за помощью.

Христос сказал: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:21). Где твоё сердце? Чему ты служишь? Что боишься потерять настолько, что ради этого готов нарушить заповедь, предать близкого, отказаться от совести? Это вопрос не о количестве вещей, которыми ты владеешь. Это вопрос о том, кто владеет тобой.

Самое великое и непреходящее сокровище человека — Бог. Не как одно из благ среди многих, а как источник жизни, истины и любви.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф. 6:33). Это не обещание, что верующий никогда не будет голодать, болеть или терять близких. Это указание на центр жизни, который не должен быть вытеснен земными приобретениями.

Когда Бог становится центром, человек не перестаёт любить жену, мужа, детей и родителей. Напротив, он начинает учиться любить их не как свою собственность, не ради постоянного удовольствия, а ради их добра и спасения. Любовь Христова не измеряется силой волнения или сладостью воспоминаний. Она узнаётся по верности, милосердию, терпению, готовности служить и отказаться от собственного греха.

Может быть, твоя семья ещё не разрушена, а ты уже убеждаешь себя, что новое увлечение — настоящая любовь и долгие годы рядом с супругом больше ничего не значат. Остановись. Не называешь ли ты любовью желание собственного счастья ценой боли других?

Возможно, твоя ошибка совсем иная. Ты ещё не солгал, но уже готов солгать. Ещё не предал, но давно оправдываешь предательство. Ещё не потерял семью, доверие или свободу, но каждый день делаешь шаг в сторону, о которой однажды можешь пожалеть. Не жди трагедии, чтобы начать думать. Остановиться до падения — тоже победа над собой.

Бывает, что человек уже ничего не может вернуть. Не воскресить умершего, не отменить совершённого преступления, не заставить другого снова доверять. Покаяние не стирает автоматически последствия и не освобождает от ответственности перед пострадавшими. Но оно открывает возможность отказаться от прежнего зла и жить иначе. Пока ты жив, у тебя есть сегодняшний день. Не превращай сожаление в отчаяние.

Исправление начинается с честности перед Богом и собственной совестью. Не нужно изображать мгновенную святость. Нужно перестать оправдывать зло, признать его, просить прощения и помощи, сделать первый доступный шаг: отказаться от лжи, остановить обиду, примириться там, где это возможно, начать молиться, обратиться к церковной жизни. Если упал вновь — не объявляй борьбу бессмысленной. Поднимайся и продолжай.

Борьба со страстями бывает тяжёлой. Иногда привычное желание словно требует подчинения, и отказ от него приносит настоящую внутреннюю боль. Молитва требует внимания, пост — рассудительности, прощение — преодоления самолюбия. Но мы трудимся не ради самого страдания и не ради того, чтобы заслужить Бога собственными силами. Мы отвечаем на Его призыв и учимся принимать дар благодати, освобождая сердце для любви.

В Послании к Ефесянам сказано: «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим…» (Еф. 2:1). Человек может ходить, строить планы, смеяться и владеть миром, оставаясь духовно

отчуждённым от Источника жизни. Но эти слова не являются приговором, запрещающим возвращение. Христос пришёл призвать грешников к покаянию. Именно поэтому надежда остаётся и у того, кто считает своё прошлое безнадёжным.

Не спрашивай прежде всего, сколько людей изменится после этой книги и когда появится общество, о котором мы говорили. Спроси, что изменится в тебе. Будешь ли ты завтра таким же с близкими? Продолжишь ли оправдывать свою страсть? Пройдёшь ли мимо чужой боли? Или начнёшь жить так, как желаешь, чтобы жили люди будущего?

Никакая совершенная хозяйственная система не заменит любви. Даже общество без денег и материальных привилегий не избавит человека от гордости, зависти и властолюбия, если он сам не желает исправляться. Будущее общество не построят одни законы. Его могут созидать люди, которые уже сегодня учатся видеть в ближнем не средство, а человека, которого призваны любить.

И если теперь ты наконец увидел, почему прежние поиски счастья не давали покоя, если понял, что есть путь иной жизни, — возрадуйся не обещанию лёгкого благополучия, а открывшейся возможности идти этим путём. Ты не можешь изменить вчерашний день. Но сегодняшний ещё в твоих руках. И Бог не перестаёт призывать тебя.

Закрой книгу и посмотри на свою жизнь. Где твоё сокровище? Кому принадлежит твоё сердце? Что ты можешь сделать уже сегодня ради Бога и ближнего? Не откладывай ответ до появления нового общества. Начни с себя. Будущее начинается с тебя.